

18+

Спасая рыбу
из воды

Балашов Егор

Егор Александрович Балашов

Спасая рыбу из воды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64728106

SelfPub; 2021

Аннотация

Что нас ожидает в ближайшем будущем? Какой сценария апокалипсиса Вам ближе? Армагеддон? Метеорит, вирусы? Что нас убьет как вид? Идея не нова – технологии погубят нас. Осталось узнать как? Насколько опасны смартфоны, электронные помощники и виртуальная реальность? Нет, они не опасны как опасен ураган или пожар. Они опасны в другом. Так легко переложить на цифровой разум всю ответственность... Уйти в мир виртуальный и забыть реальный мир. Анатолий – педагог в реабилитационном центре для детей, потерявших связь с нашим материальным миром. Ему придется бороться не только за жизнь своих подопечных, но и с общественным мнением. Но нужен ли этот реабилитационный центр? Может быть, было бы лучше оставить все как есть? Может быть новому поколению и не нужна обычная жизнь?

Егор Балашов

Спасая рыбу из воды

Прелюдия

Сколько можно рассказывать одни и те же истории? Эти сказки порядком нам надоели. Разве Вы не видите, что история с непобедимым героем, преодолевающим себя, врагов и обстоятельства слишком тривиальна, обыденна, проста и убога?

Сколько Вы еще собираетесь нас кормить этими баснями с неизбежной моралью в конце. Может быть хватит нам объяснять, что же мы услышали? Может быть уже пора дать возможность нам самим принимать решения, хотя бы решать, что же мы такое сейчас ощущаем. Дайте нам возможность жить так, как этого хотим мы, а не Вы, с Вашими опытом, видением и мудростью.

Да, мы будем ошибаться – но это нормально, ради этого Вы и привели нас в протопространство, разве не так? Разве не так это? Зачем иметь свободу воли, свободу выбора, мучаться уколами совести, поддаваться страсти и сомнениям, упиваться мечтами и надеждами? Все это было только ради того, чтобы мы послушно следовали слову Вашему? Зачем давать возможности, соблазны, но так легко запрещать все новое, интересно, влекущее?

Вы боитесь всего нового, всего, что не понимаете. Это так по-человечески. Но страх – это пережиток прошлого, это инстинкты, доставшиеся нам от животных, от предков, едва спустившихся на землю. Но разве ни боялись наши предки огня, стали, электричества? Разве не просили их старшие поколения не играть с опасными игрушками? И разве они послушались? И были бы мы сейчас, такие, какими мы стали, если бы однажды нога предка-человека не коснулась земли.

Если бы индивиды не травились грибами, красными ягодами и не гибли в острозубых пастях, то мы сейчас не знали бы ни колеса, ни электричества, ни сети, ни квазипространств. Да, и не мучались бы Вы сейчас, пытаясь оградить нас, неразумных, от столь желаемого погружения. Но ведь погружение – это не порок, не наркотик, не забвение – это жизнь! Это настоящая и единственно правильная жизнь. Просто пришел новый виток эволюции человека, не надо цепляться за ушедшее.

Так было всегда, мы всегда цепляемся за старое, понятное, естественное. А все новое кажется нам чуждым и аморальным. Нам даже жаль Вас, Вы боретесь с тем, что не способны победить. Никто не способен на это, мир изменился, он никогда не будет прежним. Такие как Вы, жгли философов, ученых, астрономов, жгли книги, стирали огнем стихи и музыку из умов людей, но Вы каждый раз уступали прогрессу. Отступите и в этот раз! Время не остановить. Не пре-

рвать бег песчинок, так же, как и не остановить мчащийся через галактику кварк. Фотон в любом случае достигнет своей цели, будь он хоть волной, хоть частицей.

Ваша усмешка понятна мне, и это тяжелый вздох тоже мне понятен. Вы думаете, что спасаете нас от самих же себя, но все это будет просто неизбежно.

Да, и то, что погибают слабые – это нормально. Наконец-то эволюция провернула свой маховик, и пошла на новый цикл развития. Пора отбросить старое и вкушать плоды нового. Пора, и спасибо Вам, спасибо за все. Вы не помешаете, но так приятно знать, что в прото-пространстве кто-то еще есть, и любит нас, ждет, страдает, надеется и ждет нашего возвращения. Спасибо, мы будем жить настоящей жизнью и ради Вас.

Никто Вас не винит и не упрекает. Я знаю, что Вы просто не можете иначе, что Вы уверены, что только так и можно. Но отпустите хотя бы тех из нас, кто не может и не хочет иначе. Не весь вид, не человечество, а индивидов. Хотя бы одного меня. Один человек никогда не мешал эволюции. Либо он нес нужные качества в своем генотипе или мышлении, либо оставался за бортом. Эволюция слепа, но ее не остановить. Отойдите, и не мешайте неизбежному. Пора. Вы хороший человек, я даже благодарен Вам, но сейчас пришло время.

Спасибо.

...

Улицы были почти пусты. Они не опустели вдруг, как это

бывает во время катастроф, не опустели внезапно, как бы это могло произойти в случае войны, не опустели скоропостижно, как опустели бы из-за страшной эпидемии. Улицы опустели не на час, как это бывало когда-то, когда по телевидению передавали новый фильм. Хотя сейчас такое уже сложно представить – всего лишь фильм, очередная серия телесериала или новый выпуск телепередачи мог выгнать людей с улиц. Впрочем, не будем вдаваться в подробности, сейчас и слов то таких нет – «телепередача» и «телесериал». Почему нет? Да, потому что, телевидение перестало быть то иглой, которая диктовала жизни миллионов.

Сейчас людей объединяло «Погружение». Хотя, сейчас уже никому не пришло бы в голову писать этот термин в кавычках и с большой буквы. Погружение могло быть написано с большой буквы только в том случае, если это было первое слово в предложении. И погружение перестало означать нырок в жидкость. Погружение – это то, что происходит с человеком, когда он отрубает свои органы чувств, задуруманивает восприятие окружающего его пространства и присоединяется к информационной среде. Для нас информационная среда стала настолько естественной, что мы почти перестали различать медиа-мир и «реальный», физический, материальный мир. Хотя, что значат эти слова для современного человека? «Реальный», «физический», «материальный»... Нет.

Для многих протопространство даже не было первым, ко-

торое они постигли. Многие счастливицы с рождения имеют возможность присутствовать в квази-измерении. Прото-мир для нас является всего лишь ступенькой к бытию. «Прото-» – значит предшествующий. Это не значит «главный» или «настоящий» – это значит бывший до этого. Доказать, что протопространство является базисом достаточно легко: «смерть в квази-измерении приводит к перерождению, а смерть в прото-пространстве прерывает любые проявления личности человека навсегда». И мы так же задаемся вопросом, является ли «протопространство» главенствующим или человек, как личность может существовать не опираясь на протоизмерения?

Поэтому в прото-мире никто не называет его «прото-измерением», «протопространством» или «прото-миром» – для этих ретроградов их мир единственно настоящий. Впрочем, в квазимире тоже многие перестали добавлять приставку «квази», по отношению к измерению, в котором они существуют. Для них квази – единственно возможный мир. А вот для бедолаг, которые все еще скользят между двумя состояниями, двумя качествами мира и остались рудиментарные именованья в виде приставок «квази-» и «прото-».

...

– С днем рождения, Кевин. – Ричард обнял за талию свою молодую жену, при этом глядя пристально, но рассеянно на озадаченного и ошарашенного маленького мальчика. – Тебе сегодня исполнилось восемь лет, а это значит, тебе пора тоже

увидеть жизнь. Не беспокойся, говорят первое погружение может быть... ну... дискомфортным...

Селла толкнула супруга локотком, намекая, что для восьмилетнего ребенка можно было бы подбирать слова и попроще. Она сейчас не могла сдержать умиление, любуясь возбужденным лицом сына. У нее самой сейчас перехватывало дыхание – ее маленький Кевин, становится совсем взрослым!

Трехкомнатная квартира на восемнадцатом этаже сейчас была непривычно ярко освещена, стены оклеены бумажными гирляндами и самосветящимися лентами. Обязательный торт уже съеден, напитки выпиты. Кто-то из старого поколения мог бы удивиться: «где же гости?», но гости терпеливо ждали. Ждали в другом месте...

Но «старое поколение» на праздник никто не позвал. И даже не потому, что счастливая пара не хотела видеть своих родителей, а всего лишь потому, что про них просто не подумали. Вот так, не подумали про бабушек и дедушек именинника. Как так? Это просто не честно по отношению к ним. Наверное.

– Но ты не пугайся, мы все время будем рядом и не позволим чему-то случиться. Возможно будет немного... темно...

Кевин усмехнулся. Да, он ждал этого дня уже два года с нетерпением. Два невыносимо долгих года! Это же целая вечность! Мальчик с трудом сдерживался. Руки уже дрожали от нетерпения, сердце колотилось в горле, хотелось бежать,

прыгать, обнимать весь мир и целовать каждого встречного! Вот он тот миг, когда он стал достаточно взрослым, чтобы на полных правах «погрузиться».

– Можно уже попробовать? – Голос Кевина вибрировал от напряжения. Может быть это прозвучало немного капризно и даже вызывающе, но в конце концов, кто посмеет упрекнуть ребенка в его восьмой день рождения в том, что он слишком ждет свой подарок. Единственно важный подарок.

Ричард озадачено посмотрел в лицо супруги, слегка наклонившись вперед. Но девушка молчала, кусая себя за уголок губы.

– Конечно же! Кевин, это твой день, твой праздник, – разрешил отец, но почувствовав некоторое напряжение Селлы наугад добавил, – но сначала вымой руки и лицо! Ты весь измазан в торте!

Обиженный взгляд обжег Ричарда, словно ледяное пламя – и он не винил за это сына, он бы и сам не сильно обрадовался, если бы ему ставили палки в колеса в самый счастливый и ответственный момент детства.

Зеленые носочки сына топая, словно ежик, унеслись в уборную.

Селла досадливо, но не сильно стукнула своим кулачком супруга по груди:

– Ну, что ты прицепился, можно было умыться и позже!

– Дорогая, – парень не нашелся что сказать, по его-то соображениям, он озвучил молчаливый приказ жены. Но нет,

видимо не угадал эмоций.

Лицо девушки горело, оно словно пылало, одаривая неровным румянцем. И снова Селла уткнулась носом в грудь Ричарда. Скоро! Уже совсем скоро.

Кевин, же не разбирая дороги влетел в ванную комнату, врезался животом в край раковины, выбивая воздух из легких. Можно было бы заплакать, на глазах было даже навернулись слезы, но нет, не сейчас! Только не сегодня!

Он уставился в зеркало: действительно все его лицо и даже шея измазаны розовым и голубым кремом. Он даже смог подцепить кусочек со своей щеки и отправить его в рот – потрясающий кисло-сладкий аромат Ментолберри и лимона. Мальчик аж зажмурился, вспоминая кислотный вкус торта. Невероятно вкусного, невероятно ароматного крема, поверх нежнейшего окси-бисквита.

– Стоп! – Одернул себя поплывший в блаженных воспоминаниях мальчик, – меня же там ждет моя камера депривации! Моя! Депривации! Моя собственная! Только моя!

Струя горячей воды только побежала из крана, а Кевин уже начал размазывать крем торта по лицу – нет, так не выходит. Теперь все лицо стало жирное и липкое, а вода на коже собралась в мелкие капельки, словно его обработали алеофобным спреем.

– Пакость! – Сдерживая свои словечки, выругался ребенок. Пока он брызгал воду из-под крана, он сумел забрызгать не только самого себя, но и полотенца и стены ванной. Его

ярко алая футболка тоже пропала. Темное мокрое пятно начиналось от шеи, и тянулось чуть ли не до пупа. И первая мысль – стянуть намокшую одежду, и запоздалые сожаления, когда воротник футболки начал соскребывать липкую субстанцию с шеи и лица Кевина.

– Нова футболка! Вот мне влетит!

Мальчик суетливо запикивает футболку в лючок под ванной, сует голову под струю в раковину, не глядя нащупывает на полке мыло и елозит им сначала по шее, потом по лицу, понимая, что грудь тоже липкая, взбивает пену и не ней. Он бросает еще один взгляд в зеркало. Его оранжевые короткие волосы взъерошены и местами покрыты белой пеной, голубые глаза распахнуты в панике, а на краю уха все еще предательски синееет крем.

– Аргх! – в бешенстве рычит ребенок, упираясь кулачками в колени. Что же делать! Это какое-то безумие! Почему так сложно просто умыться! А вот еще один вопрос: «Надо ли чистить зубы?» С этих взрослых станется его еще и зубы чистить послать. В такой-то момент! А она там! Капсула, камера депривации! Просто стоит в комнате, зачем-то окутанная в упаковочную лакированную красно-серебристую бумагу с нарисованными блондинистыми мальчиками с шпагой и в зеленом шарфе, таком длинном, что в реальной жизни он бы точно волочился по земле.

– Что-то он там долго. – Отстраненно бормочет Селла мужу.

– Сейчас вернется, – успокаивает ее Ричард. – не прова-
лился же он там, в самом деле.

Когда же на пороге комнаты появляется Кевин, родители
уже сидят на диване, терпеливо его дожидаясь.

– А ты не спешил, – упрекает отец, но обида в глазах сына
заставляет его умолкнуть.

Мокрый до пояса, куцый, дрожащий мальчуган. Зеленые
носки, тоже совсем мокрые, видимо парень потоптался в них
по луже, футболка исчезла, волосы всклокочены, а из глаз
вот-вот брызнут слезы.

Только белые шортики остались невредимы. Даже стран-
но. Такие белые, и такие чистые. Сам Ричард точно бы вы-
тер и них пару раз руки за весь день-то. Но нет, Кевин был в
этом плане очень аккуратным ребенком.

Ричард одним движением подхватил покрывало с кроват-
ти и окутал им сына. Почему одним движением? Да, чтобы
Селла не успела ничего сказать, чтобы не успела возмутить-
ся кощунством по отношению к постельному белью. Но та-
щить сейчас за полотенцем в ванную, сам Ричард уже не
находил в себе сил.

Мужчина промокнул волосы сына, и было хотел продол-
жить обтирать спину, как мальчик неожиданно обнял его, и
хлопнул носом.

– Пап, – еще не плача заныл мальчик. Столько нетерпения
в голосе, столько отчаяния, – там кран брызгался!

– Да и Бог с ним, – отмахнулся мужчина, приподнимая

сына в объятиях и сдирая испорченные носки, – смотри лучше, какая красота у тебя в комнате стоит!

– Ага, – завороченно задохнулся Кевин.

– Будешь сдирать упаковку? Или тебе помочь? – Усмехнулся мужчина, на что Селла недовольно фыркнула.

– Помочь, – опуская глаза промычал мальчик. Когда его опустили на землю, он еще секунду не разнимал раки, но сообразив, что мешает распаковать подарок, тут же спрятал их за спину.

Оставалось совсем немного. Папка аккуратно, но слишком медленно сдирает бумагу с ложементов, Кевин встает на носочки, Селла ломает руки, не в силах себя куда-то деть. Чувства всех переполняют.

– Пап, это в первый раз всегда страшно? – не выдерживает мальчик. Он боится, что если этого не спросит, если будет вести себя как-то неправильно, то родители заподозрят, что это не первая его депривация, и что тогда? Вдруг они тогда разозлятся, подумают, что он их обманывал, и не разрешат погружаться? Но ведь он ни в чем не виноват! Они просто игрались, кто же виноват, что у Марка уже три месяца как есть своя камера? Он и не хотел пробовать, просто оно само как-то получилось. И страшно совсем не было, просто сначала темно и тихо. Долго-долго. А потом оно начинается по-настоящему. И вовсе ничего страшного. Только Марк сказал, что он был в камере всего пять минут, но сам Кевин мог поклясться, что пролежал там минимум пол часа. Это ведь

ничего? Правда? Ну, был он в этом погружении уже раз пять или шесть. Тут ведь не на что обижать родителей, правда? Но нет. На всякий случай, лучше им не рассказывать. Просто до чего же классно! Теперь он сможет всегда играть с друзьями и сможет встречаться и болтать, и путешествовать. Теперь он даже учиться сможет по-настоящему. В их классе осталось еще только трое ребят, которые учились по старинке, не в квази-классе, а в прото-классе.

– Нет, не страшно. – Опешил мужчина, зачем-то поглядывая на часы. – Вообще не страшно. Просто может быть скучно поначалу.

Кевин хихикнул. Нет, ему в первый раз точно не было скучно.

Наконец-то упаковка была удалена с ложементов. Красивая, переливающаяся бумага была скомкана и отправлена в угол комнаты, за кровать.

Отец почесал затылок и предположил:

– Кровать-то теперь здесь зачем? Наверное, надо убрать будет.

Мальчик возбужденно и радостно кивнул отцу. Но вместо логичного: «Да, пап. Надо будет кровать убрать, теперь она совсем ни к чему. Теперь я обычно смогу спать в ложемент», на что ему папа возразил бы, что в ложементе не спят, что он спать будет в квази-измерении. Но у Кевина вместо внятной речи получилось только подпрыгнуть, размахивая руками.

Уже через несколько мгновение мальчик запрыгнул в ло-

жемент, отец помог ему улечься, погладил по груди, и улыбаясь предложил:

– Закрывай глаза.

– А мама? Куда она ушла?

– Она пошла в квази. Она тебя там встретит, и поможет во всем разобраться. Хочешь я дам тебе таблетку, у тебя так колотится сердце, если так сильно волноваться, погрузиться может не получиться.

Кевин закусил губу – совсем так же, как его мама. Он сильно-сильно зажмурился и сжал кулачки.

– Я полностью спокоем, я точно-точно погружусь! – Сильнее жмурясь выпалил Кевин. И Ричард чувствовал, как под мокрой кожей груди мальчика бешено стучит сердце, как судорожно поднимается и опускается эта грудь, как резко сжимаются детский мускулы.

Нет, так депривация не работает. Мужчина, не закрывая кабинку вышел из комнаты и набрал в пищевом блоке воды, бросил в нее два кубика лекарства. Вернулся в комнату мальчика и с улыбкой отметил, как усердно тот борется с напряжением, все сильнее жмуря глаза.

– Кевин.

– У?

– Ты еще не спишь?

– Нет, пап. Спать нельзя! Надо расслабиться и тогда все получится. Почему так долго?

– Открой глаза. Выпей это. Тебе будет проще.

– Я не хочу! – Упрямо возразил мальчик.

– Надо. Хотя бы пару глотков.

Противясь, Кевин все же разлепил глаза, привстал на локтях и принял кружку из рук отца.

– Я теперь усну? – С обидой упрямо промычал ребенок.

– Нет, конечно. Ты не уснешь, просто расслабишься и сможешь погрузиться.

– А я все-равно не чувствую, чтобы лекарство действовало. – Все плавнее выговаривая слова поведал Кевин.

– Так и должно быть. Укладывайся удобней. Я закрываю капсулу.

Мальчик одернул в последний раз свои белые шортики и положил руки вдоль тела, закрытые глаза перестали жмуриться, а на лице появилось спокойствие.

– Пап, ты пока не уходи. Вдруг депривация на меня не действует, и я не нырну. Если не получится, ты тогда дашь мне еще лекарства? – Еле ворочая язык сообщил Кевин. Да, один раз у него так и вышло в гостях у друга. Тогда Марк объяснил, что это нормально, и тогда можно выпить лекарство. Только в тот раз они, кажется, переборщили с лекарством, и Кевин погрузился как-то неправильно. Нет, он попал в квази-мир. Но только этот квази-мир был сломанный. Совсем не такой как раньше, в нем все было очень знакомое, но почему-то очень страшно. Тогда ему пришлось много убегать, пол стал вязким и сквозь него можно было провалиться. Но страшнее всего было то, что тогда в квази-измерение просо-

чилось прото-измерение, и Кевин слышал Марка. Марк плакал и говорил, что больше никогда не будет брать лекарства без спроса. Кому он это говорил мальчик не понял, ведь никого рядом не было.

Когда Кевин все же решил в тот раз выйти из квази-пространство – это не получилось. А потом его вырвало по-настоящему. Очень болела голова, и квази-измерение еще полдня пыталось просочиться сквозь стены.

Поэтому сейчас ему очень не хотелось пить лекарство. После лекарств квази совсем не правильное. Но ведь папе видней. Он умный и взрослый. Он плохого не посоветует своему сыну.

За этими мыслями Кевин и не заметил, как провалился. Погрузился. Ричард по началу забеспокоился, ведь после седативных мальчик должен был расслабиться, но вместо этого сын, наоборот, словно бы запаниковал и только спустя минут пять, лекарство начало действовать, заставляя ребенка полностью расслабиться, но при этом не заснуть.

Нет, спать нельзя. Да, в камере депривации очень легко заснуть, но спящий человек не погрузиться в квази-пространство. Он просто будет спать. А квази-измерение – это не сон. Совсем не сон. Спасть в квази-измерении можно. А вот погрузиться, будучи спящим – нет.

Проверив индикаторы подключения, Ричард отправился к себе в комнату. Жена уже находилась в ложементе. Сейчас не хотелось погружаться надолго, да и на работу надо было

скоро отправляться, поэтому мужчина устроился на диване, нащупал шунт на своей шее и подключил кабель сети.

Ричард очень редко погружался с помощью шунта, поэтому так и не модернизировал его до беспроводного варианта. Будучи студентом, он не мог позволить себе камеру депривации, поэтому разорился на самую дешевую имплантацию. А когда встал финансово на ноги, то и апгрейдить шунт не имело смысла – ему стала доступна полноценная депривация. Но все это сейчас было не важно. Его ждала жена, сын и гости в квази. В том самом квази, который дал возможность мгновенного путешествия по всему миру, и не только по миру. Квази, который дал возможность новым художественным жанрам, и речь даже не о фильмах с полным присутствием, не о игровых сценах, где можно было взять на себя любую роль. Речь сейчас хотя бы о привинации или мегамедиа. И это только простейшие примеры того, что дало человечеству квази-измерение. И как же сейчас смешно выглядели люди, которые думали, что квази будет всего лишь сетью, продвинутым интернетом с эффектом присутствия. Да, таким людям и в голову не пришла бы возможность менталфейса или мультиразума. Но вот тебе факт. То, что шестьдесят лет назад не было описано даже в фантастике, сейчас существовало в реальности. В смысле, во всех реальностях. Интересно, как скоро мы научимся обходиться без прото? Вот бы дожить до тех времен, когда будет побежден прото-разум и восторжествует квази-разум. Интересно, тогда человечество пол-

ностью уйдет в квази или продолжит существовать одновременно в двух измерениях?

Так думал, погружаясь, Ричард. Для него прото был родным пространством, а в квази – он все же оставался гостем. Он завидовал будущим поколениям, для которых новые технологии уже не будут казаться чем-то фантастичным, а станут обыденным делом. Однажды. Очень скоро. Совсем-совсем скоро.

Глава 1

Анатолий Григорьевич наклонился над камерой депривации – это была простейшая модель, без обеспечения жизнедеятельности, без эргономических функций, без индикации и звукоизоляции. Подумать страшно, в ней стояла простейшая вентиляция без кондиционирования и фильтрации воздуха. И сейчас в этой камере, в которой пребывание более трех часов было просто опасно для жизни находилась молодая девушка, совсем ребенок. Сколько ей? Четырнадцать, может быть шестнадцать. Очень сложный подопечный, она переносила пребывание в прото очень болезненно. Родителей таких детей надо просто сажать за решетку, а лучше насильственно кастрировать.

Подумать только, девочка стала посещать квази начиная с трех лет. Фактически, с того времени как появились эти проклятые камеры депривации. А если бы она родилась немногим позже, то безумные родители заточили бы ее в камеру с младенчества? Да, пожалуй, ей в чем-то повезло. Все же

первые три года своей жизни она провела в материальном мире. Ее мозг хоть немного получал тактильную информацию, хоть немного учился оперировать объектами.

Анатолия пугала до оторопи мысль, что в один прекрасный день ему приведут пациентов, не имеющих вовсе опыта жизни. Детей, проведших абсолютно всю жизнь в квази.

Пиликнул коммуникатор. Ком. Аппарат для связи. Как же раздражало то, что он был имплантирован в тело. Что же, но без этого в современном мире просто нельзя.

Усилием воли Анатолий вызвал в своем поле зрения табличку сообщения: «Анатолий Григорьевич, срочно требуется отчет о третьей группе». Лаконично и кратко. Но за этой лаконичностью крылось очень и очень много рутинной работы. Пусть, формы были давно сформулированы, пусть половина информации обрабатывалась автоматизировано, но анкета из шестидесяти пунктов могла заставить любого человека зависнуть часа на два. И почему нельзя перенести данные из прошлого отчета, просто вставить новые, скорректировать изменившиеся параметры?

Хорошо хоть то, что Анатолий только вчера прогнал тестирование для третьей группы. Теперь у него были данные для гребанного отчета, но времени на него тратить совершенно не хотелось. Даже не так, у воспитателя просто не было времени на эти глупые и бесполезные отчеты. И все же. Это неизбежное зло. Администрация хочет видеть успехи своих подопечных. Администрация даже может вознагра-

дить за рост показателей. Но в третьей группе роста как не было, так и не было. Хорошо хоть удалось закрепить то, что было достигнуто ранее.

Опыт подсказывал, что в третьей группе со дня на день должен произойти рецидив. Если не у всех, то у трети воспитуемых точно.

Ставим галочку и откладываем на потом. Так, надо поставит напоминание на шесть часов вечера все же приступить к заполнению отчета. Черт! На шесть уже запланирована индивидуальная работа с Андреем – еще одним крайне проблемным воспитанником. А на три часа назначена церемония прощания с детьми из второй группы. Ладно! Хорошо хоть теперь будет полегче. Одну группу реабилитационный центр выпускал. Да, Анатолий сообщал, что детей еще рано выписывать. Слишком рано! Но начальство не переспоришь. Раз в отчетах прослеживается положительная тенденция, раз дети научились элементарному уходу за собой и срут не мимо лотка – значит их можно отправлять по домам.

Анатолий вздохнул: нет, это так не работает. Да, ребята из второй группы могут жить в прото. Но не хотят. Они сейчас способны почистить зубы самостоятельно, но только если их привести в ванную, поставить перед раковиной и дать команду. Как же эти чиновники не понимают, что умение что-то делать еще не гарантирует то, что дети будут это делать.

Вторая группа. Все же Анатолий признавал, что эта группа была одна из наиболее успешных. Выпускникам был лет

по четырнадцать, каждый из них ушел в депривацию насосо- всем не позднее восьми лет, как того и требовал закон и РЦКДП дал им необходимые навыки.

Но ведь стоит ребятам покинуть стены центра, как они тут же отправятся в квази, некоторые, не дожидаясь приезда домой. У двоих родителями были имплантированы шунты, а значит чисто теоретически они имели возможность погрузиться в квази используя мобильные терминал прямо на улице.

Анатолий горько усмехнулся: «Замечательно, скорее всего именно этих двоих привезут обратно не позднее чем через сутки. Все же ребенок, зависший у терминала на несколько часов, вызовет подозрение. Если кто-то на него обратит внимание, конечно же».

Воспитатель посмотрел на свои руки. На самом деле он боялся, что через неделю ему сообщат о гибели кого-то из этой группы. От истощения...

Итак, на сегодня у Анатолия назначена церемония прощания с группой, индивидуальная работа с Андреем и вот теперь еще и заполнение отчетов. С какого перепуга им так срочно потребовались бумаги?

Ах черт! Еще же и Диана!

– Диана, пора просыпаться. – Традиционно позвал Анатолий Григорьевич, выводя девочку из состояния депривации.

Ее расфокусированный, потерянный взгляд продолжал блуждать по комнате.

Очень проблемный ребенок, очень. С девяти лет она не выходила из квази ни на минуту. И пробыла в реабилитационном центре уже два месяца. И все никак не могла осознать реальности мира. Она воспринимала любые попытки социализации как муку. Как издевательство. Она даже говорила плохо в свои шестнадцать лет. Тело ее оставалось дистрофический недоразвитым, волосы просто не росли – видимо в какой-то момент родители просто их выжгли, решив, что процедуры парикмахерской их дочери ни к чему. Она не умела ничего. Просто ничего.

Первы дни она даже встать не пыталась, продолжая рассеянно озираться по палате. Таких пациентов называли девятками. Девятка – это человек почти полностью потерявший связь с реальности. Вот и Диана в первые дни просто не осознавала, что оказалась в прото – она воспринимала происходящее как сон. Как кошмар.

За первые недели девушку научили самостоятельно, а не с помощью катетера, справлять нужду, жевать пищу, даже принимать душ. Но на этом все. Интересы к жизни ребенок не показывал, совсем не проявлял интереса к происходящему. Диана могла заблудиться в своей комнате. Ей приходилось показывать, где ее кровать, чтобы она легла спать. А вот двери она так и не научилась открывать.

Что же. Среди детей уже появлялись и десятки. Десятка – это квазизависимые, которые не просто не могли выполнять простые действия в прото, но даже не реагировали на речь.

Таких в реабилитационный центр не привозили – их размещали в клиники. Или же оставляли в квази на полном жизнеобеспечении.

Страшнее всего то, что в квази эти дети были совершенно адекватны. Они проявляли интерес к миру, могли сами искать себе интересы. Но стоило им выйти из депривации – как они превращались в безвольные куклы.

– Опять? – Застонала девушка. В ее голосе была искренняя боль. – Когда же вы от меня отстанете?

Бурная реакция обрадовала Анатолия. Реакция в его деле – это всегда хорошо. Хуже, когда дети вообще остаются лежать бревном, не понимая и не осознавая себя самим собой.

– Диана, здравствуй. Ты делаешь успехе, это очень хорошо, могла бы ты встать?

Девушка, закрыв лицо руками, заплакала. Ее сотрясали судороги.

Плакала она долго.

– Я хочу назад! Меня там ждут?

Легкое удивление Анатолия выразилось тем, что он приподнял бровь: эта вопросительная интонация померещилась в словах девушки или это была ошибка, все же Диана в значительной степени дезориентирована. Или она сама не уверена в своих слова?

– Кто тебя ждет? – Уточнил воспитатель.

– Друзья, – упавшим голосом предложила девушка.

– Друзья из нашего центра?

– Да! – С вызовом произнесла она, – вы же не даете выйти с полигона!

Столько обвинения в этих словах, столько страдания.

– У меня там много друзей, но я не могу к ним дойти! Как вы это сделали? Отпустите меня! Хватит приводить меня в эту комнату, хватит издеваться надо мной! Я пожалуйюсь в полицию! Дайте мне...

Девушка захлебнулась словами. Каждое следующее слово было все более неуверенным и тихим. Но Анатолий все же с облегчением вздохнул. Наконец-то воспитанница начала проявлять хоть какие-то желания.

– Диана встань! – Велел Анатолий старясь одновременно сочетать и мягкость, и приказной тон в голосе.

Но девушка только повернулась лицом к стене. Она поджала колени к груди и затихла. Анатолий знал, что теперь с девочкой нет смысла разговаривать – она просто не услышит. Через пять минут, может быть через пол часа она снова оживет, снова начнет реагировать на слова. Но сейчас она будет безучастна ко всему. Это нормально. Так делали некоторые квазизависимые дети. Словно просто выключаясь на некоторое время. Некоторые ребята могли потом рассказать, что в это время они словно засыпали или оказывались в некоем подобии квази. Без других людей, без событий. Словно локальный, индивидуальный квази-мирок. То ли мозг так убегал от стресса, то ли в них просыпались зачатки возможности соединиться с ноосферой без вспомогательных при-

способлений, камер депривации и шунтов.

– Анатолий? – В дверях появился менеджер проекта. Один из младших начальников, все же имеющих право распоряжаться деятельностью Анатолия.

– Я занят с ребенком. Освобожусь не ранее чем через сорок минут. – С трудом сдерживая негодование произнес воспитатель. Эти чиновники всегда только мешают! Вот что такого важного могло произойти, чтобы вмешиваться в сеанс!

– Прибыла новая группа. На этот раз семерки.

– Серафим Алексеевич! Я веду уже четыре группы! Четыре! В данный момент у меня сеанс! У Вас вообще совесть есть? Как я должен работать с этими детьми? Вы понимаете, что первая группа требует постоянного внимания! Просто постоянного! Я их еле-еле до шестерок поднял! А вы чего хотите? А четвертая группа?

– Вторая группа выпускается. Как раз возьмете новую группу. Необходимо Ваше внимание. Не беспокойтесь, это и правда семерки.

– Я категорически против того, чтобы выписывали вторую группу! Они же вернуться к нам через неделю! – взорвался воспитатель. Диана в своей камере депривации даже дернулась. На что Анатолий краем сознания отметил, что все же девушка идет на поправку. Раньше она не реагировала на тон. По крайней мере не столь явно.

– Это не обсуждается. Вы сейчас же принимаете новую группу. Сейчас же! – При большом желании в голосе Сера-

фима можно было уловить нотки паники.

– Да что же такое? Почему я? Есть же другие воспитатели. Лена? Отдайте группу ей! У нее сейчас только один поток! Она справится!

– Нет. Есть нюанс. Понимаете... В общем. Им нет даже десяти лет. Кому-то восемь. Восемь! Остальные постарше. Они семерки. Почти семерки. Только один мальчик девятка. Ладно! Я понял! Анатолий Григорьевич, я переведу четвертую группу Зинаиде Петровне. Так хорошо? На это вы согласны? Вы же понимаете! Вы единственный настолько опытный специалист! Вы единственный, кто публиковался из нашего центра! Вы с нами со дня основания! Кто если не вы? Они просто не знаю, что делать с этими детьми! Мы же все работаем по вашим методичка. А Маша, Мария Сергеевна, когда увидела эту группу просто заплакала. Она до сих пор сидит у себя и плачет. Девушки вообще не справятся с этой задачей – они видят маленьких детей, о которых надо заботиться, ухаживать, сопли подтирать. Они не смогут ломать их, как это можете Вы! Их надо спасать! Да их же всего шесть человек! Ну, что беретесь? Да, твою же мать! Я спрашиваю только из вежливости! Вы беретесь, это Ваша группа! Это однозначно Ваша группа!

– Так вот какого Вы мнения о моей работе, – сухим осипшим голосом чуть ли не прорычал Анатолий, – значит, я ломаю детей? Значит, я насирую их личность? Да? Так Вы видите мою работу?

– Но ведь это для их же блага, – опешил менеджер.

– Вон из кабинета! – уже по-настоящему взорвался воспитатель. – Уйдите, чтобы я Вас вообще больше не видел! Я для каждого из них ищу подход, вывожу из стазиса! Пробуждаю сознание, прививая интерес к настоящей жизни. И мне какая-то бюрократическая морда будет говорить, что я этих детей ломаю? Пошел вон, скотина!

Анатолий даже швырнул чем-то в дверь. Это что-то разбилось, но в Серафима не попал ни один осколок – он успел улизнуть. Но менеджер все же оставил последнее слово за собой – на коме воспитателя пикинуло срочное сообщение – это был список детей и фотография. Фотография чистенькой комнаты и шести совсем юных детей. Они лежали в кроватках с открытыми глазами. Только спустя несколько секунд Анатолий понял, что это не фотография – это прямая трансляция из комнаты. Один из детей молча плакал, другой сосал палец, и судя по всему уже очень давно. Девочка не спешно осматривала комнату. Пожалуй, эта девочка – единственная семерка из группы. Остальные восьмерки. У нее во взгляде не угадывался интерес, но она хотя бы изучала новую обстановку. Остальные просто отбывали, оставаясь полностью безучастными. Как их положили, так они и лежали. Жуткое зрелище. Всегда жуткое зрелище.

Как такое вообще допустил Бог? Как может здоровый человек, проявляющий интерес к квази, живущий там полноценной жизнью, в настоящем мире становиться безучастной

куклой. Как это вообще возможно? Как человек может полностью потерять любой интерес? Да, как возможно, чтобы человек, ребенок, не реагировал на боль, на дискомфорт, на другие раздражители? Это безумие.

Это полное безумие. О чем говорить, если в их центре, в РЦКДП, были случаи травм мочевого пузыря из-за того, что дети просто не могли банально обоссаться! И не в том дело, что они этого делать не умели, а просто почему-то не видели в этом смысла.

Диана смотрела в глаза воспитателю – небывалый эффект, социальная реакция в протомире. Для Дианы это был явный прогресс. Не большой, это был крохотный шаг к выздоровлению – но явный. Хоть какое-то проявление эмпатии, как надеялся Анатолий.

– Диана, я должен идти. Мне очень не хочется тебя оставлять, но сейчас придет кто-то из санитаров и поможет тебе вернуться в палату. Все как обычно. Извини, но восстановительные процедуры придется отложить. Если ты захочешь, ты можешь сама проделать эти упражнения. Помнишь, поворачивать кисти, наклоны головы, улыбнуться, изобразить испуг, злость. Ты меня слышишь?

У Анатолия аж сердце замерло, когда на лице девочки он увидел робкую улыбку, словно та его подбадривала. Улыбка пропала, появилась снова, сменилась удивлением... И только тогда воспитатель понял, что эта улыбка адресовалась не ему. Просто девушка почему-то решила выполнить просьбу

воспитателя и приступила к давно отработанным упражнениям. Что-же ничего удивительного – два месяца упражнений любому в подкорку вобьют нужные реакции на нужные команды. Все это всего лишь механическое выполнение команды. Все это всего лишь движения куклы, с привязанными нитками к рукам кукловода.

Анатолий заставил себя вспомнить, что Диана все же сегодня умоляла его прекратить, оставить ее в покое. И это прогресс. Да в первые минуты, когда человек еще не до конца понял, что оказался в прото, он проявляет больше эмоций, свойственных ему в квази. Но чем дольше он остается в реальном мире, тем меньше интереса к нему проявляет. Естественно, это касается квазизависимых, начиная с четверок и до девяток включительно. Десятки же вообще ничего не проявляли в протопространстве, вся их жизнь была исключительно в квази.

Куда катится этот мир?

– Анатолий Григорьевич! Вас срочно вызывают к директору! Почему Вы не отвечаете на ком?

– Все в порядке, я уже иду знакомиться с новой группой детей. – Обреченный вздох Анатолия.

– Нет, это по другому вопросу.

– Да Вы шутите! Сначала на меня вываливают эти отчеты, и это в тот самый день, когда у меня выпускной вечер со второй группой. Потом скидывают этот детский сад! Что еще? У нас загорелся второй сектор и кроме меня его никто

не может потушить? – Анатолий распался все сильнее с каждым словом. – Или может быть это вторжение инопланетян? Я должен переписать каждую боевую единицу и составить план психологической реабилитации каждого зеленого человека в условиях ведения боевых действий на луне? А нет! Я понял! Я должен сварить кофе этой жирной тупой... Кхм. Арине Петровне?

С каждым словом бедный безымянный для воспитателя санитар все сильнее вжимал голову в плечи.

– Я что, здесь единственный кто работает? У меня что времени вагон? – Не сбиваясь продолжил Анатолий. – Кроме меня хоть кто-то что-то может? У меня дел по горло. Я уже должен рваться на части. Чтобы Вы знали, в моем возрасте нельзя так работать. Почему я должен все улаживать?

Анатолий Григорьевич даже начал тыкать пальцем в грудь молодого сотрудника, который сначала покраснел, потом побледнел и сжался как маленький котенок.

– Меня не интересует, что там произошло! – Уже кричал старший воспитатель реабилитационного центра. – У меня осталось пол часа на принятие новой группы. Потом я прощаюсь с выпускниками. Потом я заполняю никому не нужный отчет на сорока страницах, и только потом я выслушаю чего Вы от меня хотите! Можете пока запереться в туалете, если боитесь встречаться с директором и объяснять, почему ее распоряжение не смогли донести до моих ушей. Мне просто наплевать! И будьте уверен, если Вы еще произнесе-

те хоть слово, то я буду Вас бить ногами, и ни один человек меня не осудит! Я не посмотрю на Вашу молодость, я не посмотрю на то, что Вы выполняете приказ. Мне просто наплевать! Найдите меня пол восьмого вечера! И ни минутой раньше!

И все же юноша нашел в себе силы, чтобы, семеня на цыпочках, за Анатолием затянуть на одной ноте:

– Анатолий Григорьевич, простите меня, но вечером состоится пресс-конференция. Вы просто обязаны на ней защитить достоинство нашего центра. Вы ведь понимаете, что это не мое решение. Это не моя ответственность. Арина Петровна уверена, что только Вы можете представить нашу работу с лучшей стороны. Понимаете, в общественности ходят различные мнения. Они не очень лестные. Поговаривают, что мы мучаем детей, что мы садисты! Если Вы не дадите краткое интервью, хотя бы пару слов, то нас просто разорвут. Нас закроют. Подумайте о детях! Подумайте об этих несчастных детях!

– Да я каждый день думаю о этих детях! А вы все мне только мешаете! Да на моих руках уже почти две сотни спасенных! Я буквально вытаскиваю наше общество из зловонной ямы! Вы все работаете по моим методичкам! А думал ли ты, когда я их пишу? Когда я все это успеваю? Когда ты спишь, я набираю текст. Когда ты спишь, я проверяю и отрабатываю методики! Ты сегодня в четыре дня пойдешь домой! А я буду возиться с пускающими слюни кусками мяса!

Кусками мяса, которых заморили собственные родители. И эти тупые обезьяны будут в меня тыкать пальцем? Идите сами на все эти конференции. Это не моя задача. Это не моя работа. Да, сгорите вы все в одной куче! Мне насрать на вас и ваши слова! Я занят! Занят! Я занят!

Анатолий разошелся не на шутку, он брызжал слюной, он выпячивал глаза, стучал кулаком по стенам. Бедный молодой санитар уже был готов бежать не оглядываясь. Вообще больше никогда не появляться в этом центре, лишь бы сейчас быть где-то в другом месте.

Глава 2

Затемненная просторная овальная комната. Темно-синие стены усыпаны россыпью созвездий, и Анатолию даже кажется, что он узнает в них рисунок ночного неба. Вот здесь как будто большая медведица, а это южный крест. Но нет, скорее всего сознание просто пытается найти знакомые очертания в хаотичном орнаменте. Вот мелькает падающая звезда – это не окрашенные стены – все это огромный дисплей. Из-за сумрака не удастся разглядеть стыков панелей, но их может просто не быть. Наверняка технологии уже позволяют делать такие сплошные экраны – сам воспитатель РЦКДП не был уверен, что такое производят, но почему бы и нет.

Нет ни зрительских мест, ни сфлеров, ни камер. Скорее всего трансляция будет вестись скрытыми приборами. И куда смотреть, если нужно будет добиться пронзительного эф-

фекта и заглянуть зрителю в глаза?

– Здравствуйте. Вы себя хорошо чувствуете?

Кажется это какой-то знаменитый ведущий. Кажется, Анатолий его даже где-то видел. В одном из шоу. Точно не в новостях. Ведущий настороженно смотрит на погруженного в кресло специалиста. Глаза Анатолия прикрыты. Тело расслабленно, он полулежит в кресле. Слишком безвольная поза.

– Все хорошо, – медленно выговаривая слова отвечает Анатолий, – мне вкололи седативное, насильно посадили в машину, и буквально затолкнули в студию.

– Вы в состоянии участвовать в обсуждении? – Взволнованно замечает ведущий.

– Я же здесь. – Тяжелый слишком долги вздох. – Не говорите мне, что меня оторвали от работы только для того, чтобы проехаться по вечернему городу.

– Что-же... Если Вы настаиваете. Не против, если я немного введу Вас в нюансы нашей трансляции?

– Как будет угодно.

– Ладно. В общем... Трансляция будет прямая. Без задержек и цензуры. Постарайтесь быть как можно более корректным. Вы будете находится в этой студии в одиночестве. Все наши зрители находятся сейчас в квази. Их будет несколько десятков тысяч, по нашим расчетам. В записи эту передачу посмотрят еще несколько сотен, возможно миллионов человек. Зрители не привязаны к своим местам, они будут

воочию видеть все что здесь происходит, могут встать вам за спину, могут даже попытаться Вас потрогать. Все эти люди не будут мешать друг другу, каждый увидит свою локальную сцену, люди, решившие смотреть представление группой, будут в локальном пространстве, соответственно вместе. Вы их не увидите, не почувствуете... Простите, вы уверены, что это не депривационный шок?

– Абсолютно. Я не пользуюсь депривацией. А провожу все свое время в настоящем мире.

– Вот! Настоятельно не рекомендуется использовать такие слова. Это как минимум не толерантно. Оба наших мира вполне настоящие. Прото и квази – это настоящие миры. Оба! Постарайтесь запомнить. Итак, продолжу. Ваши собеседники, которые, как и я находятся в квази, будут представлены Вам в качестве интерфейсов присутствия.

– Простите, Вы сейчас в квази? – Поразился Анатолий.

– Конечно же. То, что Вы сейчас видите робот. Я же нахожусь в квази-студии. Так сказать, в нормальном мире. – Ведущий усмехнулся. – Нет, в эфир такие слова мы не поставим. Все же нас смотрят и из протопространства тоже. Будем терпимыми ко всем слоям населения. Так вот, интерфейсы других участников будут значительно проще чем мой, вы увидите их во время передачи. Кроме того, будьте готовы к тому, что интерфейсы будут переключаться, выключаться. В зависимости от того, кто говорит, где он стоит, интерфейсы будут перемещаться по залу. Зрители их не увидят, они

увидят говорящих. И увидят Вас, так, как вы выглядели бы, находишься в квази.

– Простите, как я могу к Вам обращаться?

Молодой человек опешил.

– Как и все. Зовите меня Рой. Я Рой. Анатолий, Вы не видели нашей передачи ранее?

– Нет, у меня нет времени на развлекательные шоу.

– Вечер с Роем – не развлекательное шоу. Мы познавательная, аналитическая передача. Нас смотрят высокопоставленные чиновники, ученые, деятели искусства! Сегодня Вы будете разговаривать с ведущими деятелями различных отраслей! Соберитесь! Может быть кофе?

– Пожалуй, нет. Что я еще должен знать?

– В принципе это все, что мы обычно сообщаем. Если Вам надо будет встать, то постарайтесь не выходить за рамки голубого круга на полу. Трансляцию это не прервет, но это может обескуражить зрителей.

После этих слов ведущий, Рой, словно выключился. И тут Анатолий действительно увидел, что перед ним не настоящий человек, а всего лишь искусно выполненная кукла. Робот, киборг, интерфейс. Какая разница, как это чудо техники называть.

Ожидание не затянулось. Не прошло и десяти минут, как в студии свет стал немногим ярче, из потолка полилась музыка – какие-то трели, видимо начальной заставки шоу. Женский вокал Анатолию очень понравился. Жаль, но девушки пели

на незнакомом языке. Возможно, это просто набор звуков, а не песня.

– Мы собрались сегодня вечером чтобы обсудить очень трагические события. В нашей студии ведущий специалист реабилитационного центра для... кхм, так называемых «квази-зависимых». Да это официально название учреждения. Видимо они считают квазизжизнь чем-то порочным. Анатолий, неужели использование камер депривации действительно приводит к зависимости? Неужели есть люди, которые считают нас всех больными?

– Анатолий Григорьевич, – поправил старший воспитатель, – и отвечая на Ваш вопрос – да.

Из-за внезапного начала мужчина немного потерялся, но все же нашел в себе силы сесть ровнее и говорить спокойным, но уверенным тоном.

– Наш разговор сейчас видят и слышат сотни тысяч человек. По Вашему утверждению они все больны?

– Является ли квазизависимость болезнью? Да, это однозначно болезнь. Она достаточно легко диагностируется. Это состояние человека еще недостаточно изучено, мы только разрабатываем методы лечения, но это однозначно паталогическое состояние! Правда, мы в нашем центре не используем термин «лечение». Мы реабилитируем. Другими словами, наша задача привить жизненные ценности, привычки, интересы людям, которые утратили способность интересоваться своей жизнью. Для нас пока остается не ясным, поче-

му люди, проводящие слишком много времени в квази лишаются воли к жизни в прото. Это так. Но это происходит.

Внезапно из тени выехала тумба, на тумбе был закреплен дисплей, на котором сейчас было изображено лицо молодого парня. Лицо на картинке начало говорить, а из потолка раздался достаточно колоритный голос:

– Может быть потому, что в прото нет ничего интересного? Может быть потому, что вся жизнь проходит в квази? Зачем стремиться туда, где не осталось ничего стоящего?

– Это вы говорите про настоящий мир? В нем не осталось ничего интересного? – Не сдержался Анатолий.

С потолка тут же раздался недовольный гвалт. Квазизрители выражали свое недовольство.

– Послушайте, все мы из прото. Пусть будет прото. Хорошо. – Поднял руки воспитатель реабилитационного центра. – Мы рождены в прото. Мы провели первые годы жизни в прото. Мы живем в прото. А квази – это вообража... ладно... это вторичный мир. Буду ли я прав, если скажу, что квази – это результат группового мышления? Что без наших тел, физических мозгов, самого понятия «квазимир» не существовало бы?

– Это одна из версий. Да, наш мир – является совокупностью мышления всех живых людей на планете. Но нет ни единого доказательства, что сознание существует именно в, как вы выразились, физическом мозгу. – Вступился за зрителей ведущий.

– Постоите, как это нет? Смерть материального тела однозначно приводит к смерти и квазиличности человека. Разве это не очевидно? – В освещенный круг зала въехала еще одна тумба интерфейса присутствия. Лицо на ее экране выглядело несколько эксцентрично, и Анатолий в первые секунды, почувствовав поддержку, даже не сообразил, что этот индивид олицетворяет психа-экстремиста. Вот тебе и аналитическая передача. Все теперь ясно, они специально выставляют людей, ратующих за настоящую, а не воображаемую жизнь, как умалишенных. Да, в такой обстановке будет крайне сложно выставить центр с положительной стороны.

Надо срочно перехватывать инициативу, смягчить углы. Все же выступать перед больными людьми надо немного иначе.

– Послушайте, – проникновенно начал Анатолий, слегка перебивая предыдущего оратора, – эволюция вела нас к этому дню тысячелетия, если не миллионы лет. Возможно, это новый виток развития общества. Как предрекали фантасты – образование сверх разума, переход в ментальный мир всего человечества. И на данный момент этот переход кажется правдоподобным. Я с этим согласен. Но не стоит забывать, что тела-то наши находятся в прото. Скажите, можно ли называть человека, который не может о себе позаботиться здоровым? Я работал с очень трудными детьми, некоторые из них умрут с голода около тарелки с едой. Не из-за того, что не чувствуют голода, не из-за того, что не могут встать. А

из-за того, что не могут понять, что едой из тарелки могут утолить голод. Они так же страдают, как и любой из нас. Но они не встанут с кровати и на подойдут ко столу, потому что считают это бессмысленным. Это пугает меня до оторопи! Совершенно здоровые люди. Со здоровым мышлением. Они способны делать все! Абсолютно все. Но они этого не делают. Почему? Неужели вы все считаете, что это нормально? Там, в квази, у них куча интересов, у них множество знакомых, но здесь в прото, они полностью дезориентированы. Они даже не пытаются справиться своим самые простейшие потребности. Да у нас на прошлой неделе шестнадцатилетний парень в полном сознании чуть было не умер, просто забыв сглотнуть слюну! Это же базовые рефлексy! Это даже не желания человека. Это произвольные действия. Но они... Да к черту! Почему «они»? Вы – вы все – абсолютно все не видите смысла в нормальной жизни. Разве нет? Вы ушли, погрузились, и теперь живете в квази. Но сможете ли вы так жить всегда? А вам придется выйти из квази, хотя бы даже для того, чтобы родить ребенка! Самые здоровые из вас уже сейчас не понимают зачем им выходить в прото. Вы не видите ничего интересного? А тут есть работа, здесь есть те же самые увлечения, которыми вы занимаетесь в квази! А кто-то из вас уже настолько увяз в этой трясине, что вытяни вас в прото и вы будете сидеть сутками смотря в стену, просто не зная, что можно сделать, чем заняться. Не так?

– А зачем нам все это, если здесь интересно, классно и

можно заниматься столькими вещами!

Совсем молодой голос, Анатолий уже не разбирал с какой тумбой ему надо разговаривать в данный момент.

– Я сейчас обращаюсь ко взрослым людям! Родители, матери, отцы. Вы слышите, что говорит этот человек? Этого вы хотите для своих детей? Если да, то вы делаете все верно. Но с каждым днем к нам привозят все больше ребят, которые не способны о себе позаботиться. Которые не знают, что можно делать в прото! Если бы все было в порядке, то их бы наверное не забирали у родителей?

Вот эти последние слова Анатолий, видимо сказал зря. До этого притихшая публика буквально взорвалась, заговорили одновременно десятки разъяренных голосов, одна из тумб на приличной скорости подкатила вплотную к воспитателю.

– Как вы смеете! – Разъяренный крик женщины и еще десятки возгласов потише, с похожими текстами. – Вы воруете наших детей, мучаете их, заставляете делать дурацкие вещи. Вы просто издеваетесь над ними. Садисты! Вы просто садисты, вам доставляет удовольствие терзать ни в чем не повинных детей! Да вас даже не сажать – вас расстреливать надо! Вы, именно вы моральные уроды, калечащие наших детей. Я презираю каждого из вас! Сволочи!

Бешенный гвалт голосов, обвинения, крики, отчаянные вопли. Минута, другая. Анатолий оглушенный, стоит не понимая, что дальше будет. И вдруг, в одно мгновение тишина. Это не люди успокоились – это включили какое-то подавление.

ние. Секунда тишины, и начинает говорить Рой. Киборг ведущего смотрит в пустоту, подняв взгляд немного выше голов, предполагаемых зрителей:

– Они умирают.

Тишина, еще одна секунда тишины.

– У нас есть эксклюзивные материалы. Их еще не пускали в эфир. Эта проблема... Они начали умирать почти две недели назад. Об этом не сообщали, потому что считали, что это единичные случаи. Вы знаете, как дети попадают в реабилитационные центры? Я вам расскажу. Ни один ребенок не был забран из семьи просто так. Ни один. Все они... Простите... Мне сложно говорить. Да. Это сложно понимать. Но реабилитационные центры открыли не на пустом месте. Уже несколько лет перед нами, перед человечеством стоит проблема. Представьте себе обычную семью. Обычную благополучную семью. И они живут в квази. Все хорошо. А потом оказывается, что ребенок не выходил в прото уже многие годы. Системы жизнеобеспечения работают исправно. Но что-то случается, что-то ломается. И прототела не получают достаточно питания. Что произойдет со взрослым человеком, если его депривационная камера сломается? Он выйдет в прото, поест, вызовет ремонтную службу, заправит картриджи, и продолжить комфортную жизнь. А дети просто... Пока вы играете со своими детьми они прямо сейчас могут просто-напросто голодать. В реабилитационный центр забирают только детей с крайним истощением. Они вам не скажут, мо-

жет быть они даже не поймут, что умирают с голода.

– Стойте, это ведь не так. – Возмутился Анатолий. – Нам не поставляют детей с истощением! Все наши дети в полном физическом здоровье.

– Да. Их сначала откармливают через трубочку, доводят до нормального состояния. Анатолий, вы этого не знали?

– Нет.

– Вот. А сейчас хуже. Они начали погибать. То ли из-за износа камер, то ли еще из-за каких-то причин, но капсулы иногда не вызывают бригаду реанимации. Что будет с человеком, который не знает, как утолить голод? Который даже не поймет, что его прото-тело голодает? Господа, и особенно дамы. Сейчас мы покажем несколько видео. Это оперативная съемка, поэтому ракурсы могут быть странными. Но я настоятельно прошу отключить запахи. И... Наверное, попрошу впечатлительных и детей отключиться от эфира. Это не так просто увидеть. Не так просто.

Стены вокруг Анатолия стали красными, по ним стали бегать сообщения с предупреждениями, включился обратный отсчет. Появилась большая плашка с надписью «Оперативная съемка».

И вот отсчет достигает единицы, и вот красный фон сменяется на картинку. Пустая комната – нет не пустая. Около стены стоит камера депривации. Раздается звонок в дверь. Стук. Зрители не видят, но становится понятно, что дверь ломают снаружи. В поле зрения появляется бригада врачей,

появляются служащие группы быстрого реагирования. Из соседней комнаты выводят дезориентированную женщину. Ей приносят стул. Врачи пытаются вскрыть капсулу, но им это не удается. За дело берутся спасатели. Анатолий видит, как на лицах врачей и спасателей появляется гримаса отвращения – запах, понимает воспитатель. В капсуле почти мумифицированное тело. Но женщина безучастна. Она продолжает спокойно сидеть на стуле. С ней разговаривает один из врачей – этого разговора не слышно. Появляется закадровый голос:

– Время смерти зафиксировать не удалось. Предварительная причина гибели – истощение. По показаниям матери, девочка перестала отвечать на вопросы два дня назад. Но квазитело исчезло только часов шестнадцать назад. Предположительно, в камере депривации вышли из строя системы, отслеживающие жизненные показатели. По этой причине не была произведена дозаправка питательных картриджей. По этой причине не была вызвана спасательная бригада при истощении организма. И по этой причине не была зафиксирована смерть оператора.

Видео прервалось.

Почти минута тишины в студии сменилась уверенным голосом недавно кричавшей женщины:

– Эта дура просто убила свою дочь! Нельзя так наплеватьски относиться к своим детям! Это единичный случай, это все трагическое стечение обстоятельств. У нормальных

людей такого не произойдет. Вы пытаетесь оправдать действия правительства, ссылаясь на один единственный случай!

В этот момент киборг Роя взмахнул руками и на стенах появились сначала десятки, потом сотни прямоугольников. В каждом прямоугольнике разворачивалась похожая сцена. Тела детей вынимали из капсул. Кто-то из них подавал признаки жизни, но походил на труп больше, чем умершая в предыдущем ролике. У кого-то уже было явное трупное окоченение. Сотни разных видео роликов. Может быть даже тысячи.

– Две недели. Возможно, это происходило и раньше, но мы смогли найти видео только за две последние недели. Все эти оперативные съемки всего лишь за четырнадцать последних дней! Мы не знаем, почему это внезапно стало происходить по всему миру. Но это происходит. Это просто происходит.

Теперь на стене появилось изображение молодой девушки. Анатолий смутно ее узнал. Месяца четыре назад он выпустил эту воспитанницу, доведя ее до уровня четверки. Сложно сказать, было ли видео снято до или после его работы. Но безучастная истощенная девушка, совсем молодая, не старше двадцати не проявляла никакого интереса к тому, что с ней происходит. Ее тормозили, ей задавали вопросы, ей били по лицу. Абсолютно безвольная кукла.

– Вот с такими детьми работает Анатолий. – Охрипшим

голосом поведал Рой. – Так она выглядела до попадания в клинику, а после в реабилитацию. А вот так она стала выглядеть после реабилитации.

Теперь девушка хотя бы смотрела на говорящего с ней. Она нехотя реагировала, что-то отвечала:

– Можно мне вернуться в квази? Я не хочу так жить. Это невыносимо. Здесь нет абсолютно ничего.

– Как Вы относитесь к сотрудникам реабилитационного центра? – Задаёт очередной вопрос сидящий напротив нее мужчина.

– Мне все равно.

– Сейчас Вы можете о себе позаботиться? Заказать еду?

– Да. Могу. Да, я это делаю. Я заказываю еду через сеть. Если хочу есть. Я могу лечь спать, если захочу спать...

– Постойте, в каком смысле? До реабилитации Вы не спали?

Девушка замешкалась:

– Ну, в прото не спала. Я не знала, что это нужно. Раньше мне было очень плохо. Гораздо хуже, чем сейчас.

– Сейчас Вы ощущаете себя лучше?

Девушка заплакала, окунув лицо в ладони.

Видео остановилось, а Рой пояснил:

– Сейчас девушка словно уйдет в себя. С ней будут разговаривать еще полтора часа, но она не будет ни на что реагировать. Но, через полтора часа она скажет, что хочет в туалет и уйдет в уборную. Анатолий, скажите, пожалуйста. Я

понимаю, что Ваша работа очень сложна. Но это правда? Вы выпускаете из центра детей в таком состоянии? Это лучшее, на что могут надеяться Ваши воспитанники? Она и в квази будет вести себя так же?

– Рой. – Очень долгий и очень глубокий выдох. Анатолий не подбирал слова – он просто не хотел говорить эти слова. – Сейчас поток детей очень велик. И эта девочка, я ее помню. Я не помню подробностей и как ее зовут. Я даже не скажу, когда конкретно она поступила на реабилитацию. Но... Когда она от нас выписывалась, она могла строить планы на ближайшее будущее. И да. У нас часто бывают рецидивы. На лицо рецидив. Не такой страшный, как могло бы быть. И я не знаю сколько времени прошло после ее выписки до момента съемок. Возможно, она уже погружалась. Но уверяю, все наши выпускники способны жить в прото полноценно. Мы их учим любить мир, интересоваться окружением. А отвечая на Ваш вопрос. Нет, в квази она скорее всего будет неотличима от других людей. Стоит ей попасть в квази, и она отправится в путешествие или найдет работу. Но ей будет полностью безразлично, что с ней будет происходить в прото. Вас это не пугает?

– Так может быть лучше все оставить как есть? Пусть живут в квази счастливо.

– Мы не всех берем на реабилитацию. Есть дети, которые вообще не реагируют на окружающую среду – таких отправляют в клиники, где о их теле заботятся медицинские со-

трудники, или скорее аппараты. Они остаются в квази. Такие люди уже никогда не вернуться в настоящий мир.

– Вы работаете только с детьми? – еще одна тумба с женским голосом.

– Да. К сожалению, мы специализируемся только на детях. У взрослых психика не такая гибкая, да и взрослые сами несут ответственность за свои ошибки. Я понимаю, почему Вы задаете это вопросы. Вы узнали в этой девочке себя или своего знакомого? Вы осознали, что самостоятельно не сможете жить в прото. Да, это бывает. Раз у Вас появилась эта мысль, значит есть шанс на то, что у Вас получится. Выходите хотя бы на пятнадцать минут. Потом на час. Старайтесь спать в прото, а не в квази. Но центров, подобных нашему, которые работают со взрослыми людьми просто нет. Даже за деньги. По крайней мере, я о таких не слышал. Мы и так перегружены детьми. Специалистов просто нет.

– Наш час подходит к концу. – Поставленным голосом объявил Рой. – Возможно у многих остались еще вопросы к Анатолию. Честно скажу, у меня они точно остались. Анатолий, скажите, если я не выходил в прото уже пять лет, значит ли это, что я буду вести себя так же, как эти дети? Честно скажу, меня это все немного напугало.

– Рой, вы же отдаете себе отчет, что с Вами происходит? Вы помните свое тело. Вы погрузились в сознательном возрасте. А эти дети, зачастую, в прото с трех лет, а может быть и с младенчества. У них просто нет опыта. Представьте, что

вы попали в кабину современного самолета, рядом никого, и самолет летит на всех парах? Что Вы будете делать?

– Не знаю. Ничего? Попробую понажимать кнопки?

– Ой ли? Вы же понимаете, что самолет летит, и любая кнопка может привести к катастрофе. А если это аварийный сброс топлива? Готовы пожертвовать полутысячей пассажиров ради того, чтобы поэкспериментировать.

– Пожалуй, что нет.

– Вот и эти дети так же себя ведут. Они просто не знают, что означает красная мигающая кнопка на панели управления их телом. Что им в этом случае делать? А позвать-то некого. Там, в их головной коробке, больше никого нет.

– Но ведь есть ограничение, что погружение запрещено до восьми лет.

– И это очень правильное правило. Как мы видим, оно выполняется не всегда.

На последних словах свет в студии погас. У Анатолия даже появилось ощущение, что последние пару слов не попали в эфир. Рой заметил:

– Кончилось время. К сожалению, мы привязаны к сетке вещания. Спасибо Анатолий. Это был интересный разговор.

На этих словах кукла Роя отключилась и Анатолий ощутил себя очень одиноким. Совершенно забытым, брошенным и пустым. Эх, гребанный Рой, даже по-человечески выйти из комнаты не пожелал. Все же это обидно, когда с тобой прерывают разговор так скоропостижно.

Анатолий посмотрел на часы. Что-же, выпускной второй группы уже подходит к концу. Что же он за воспитатель такой, что даже не смог попрощаться со своей группой. Эти дети отправляются в самостоятельное плавание. Страшно ли им. Многие ли из них смогут жить полноценно, или окунутся в квази в тот же миг, как только выйдут за стены реабилитации? В любом случае осталась надежду, что эти ребята смогут о себе позаботиться, хоть и на самом примитивном уровне. Анатолий упрямо надеялся, что навыки, которые им удалось привить ребятам всплывут в их головах, даже если они сейчас же вернуться в квази и будут вынуждены выйти из него только через несколько лет.

...

В одном прекрасном лесу, где росли вековые деревья раскинул свои могучие ветви исполинский кедр. Может быть вы не знаете, но деревья живут гораздо дольше чем люди, гораздо дольше, чем животные и конечно же дольше, чем бабочки и стрекозы. Жизнь в этом лесу была полна удовольствия и спокойствия. Такой лес раньше бы назвали сказочным. Он был действительно чудесен.

Самые высокие деревья устремляли свои макушки в самое небо, а некоторые могли касаться облаков. Деревья же пониже создавали густой ковер зелени, который отбрасывал тень для кустов, мха и грибов. В этом лесу было очень много грибов, очень много ягод и очень много зверей, которые лакомились богатствами природы. Белочки скакали от ствола

к стволу, забирались по ним к кронам, но даже они не могли подняться настолько высоко, чтобы увидеть ясное голубое небо – такой густой была листва у деревьев в этом чудесном лесу. По земле ползали разные жучки, летали букашки, неспешно брели лоси, суматошно рыли землю кабаны.

Именно в этом сказочном лесу жил дух дерева – да, это был дух, поселившийся в старом кедровом дереве. Он в силу своих возможностей ухаживал за деревом, прогонял жучков из-под коры, расчесывал иголки и поправлял корешки. Именно поэтому кедр и стал настолько красивым и могучим. Именно благодаря соседству с духом, этот кедр стал самым счастливым деревом в лесу.

Но вот однажды в лес пришли люди. Они поначалу бродили по земле, наравне с животными и случилось так, что один из людей наткнулся на потрясающей красоты кедр.

Дух не придавал значения этому событию – ведь к дереву всегда кто-то приходил. Иногда животные портили кору или подрывали корни, но духу всегда удавалось вылечить своего молчаливого друга. Но в этот раз все случилось не так. Люди сначала полюбовались его деревом и ушли, но после вернулись с большими машинами, экскаваторами и грузовиками. Они зачем-то вырыли большой ров вокруг кедра, и при этом погибло очень много деревьев поменьше. Духу стало понятно, что происходит что-то очень плохое, что-то очень страшное. Но он не мог покинуть своего обиталища, ведь кедр для него стал не только домом, но и лучшим другом. Духу ничего

не оставалось, кроме того, чтобы спрятаться в самые потаенные нутра дерева и ждать. Он даже надеялся, что у людей ничего не получится, и они отступят. Он надеялся, что у людей не получится выкопать его могучего товарища. Но шли недели, ров вокруг кедров все увеличивался и увеличивался. Люди уже прорубили большую просеку через лес и машины стали приезжать все чаще и чаще.

А в один солнечный день люди повалили кедр, ломая корни и ветви. Люди положили кедр на шесть грузовиков, и в месте с большим клочком земли, застрявшем в корнях гиганта увезли его куда-то далеко-далеко!

Как же было страшно духу. Он не решался высунуться из своего убежища, он не решался даже дышать – он свернулся в клубочек и плакал от страха. Пока кедр везли, дух пытался успокоить своего друга, он говорил, что все еще будет хорошо, что может быть все наладится, хоть сам и не верил в это. Кедр ему не отвечал. Ведь кедров не умеют разговаривать, даже с лучшими друзьями. Дерево тоже плакало. Но не от страха – дерево тосковало по своему лесу, по своим соседям. Кедров было совсем не страшно – ему было очень грустно.

И вот люди наконец-то успокоились, перестали перекладывать кедр с места на место, перестали ломать корни и ветви. Тогда-то дух решился выглянуть из убежища, решился оглядеться. Но не сразу, немного погодя.

Каково же было его удивление и ужас, когда он понял, что его кедр, его дом и его друга снова посадили в землю, но

теперь посреди ужасного места. И дело было не в том, что земля была непривычная, не в том, что здесь было ужасно жарко, но в том, что вокруг не оказалось ни единого дерева. Вся земля была покрыта чем-то серым, вокруг виднелись каменные коробки, и везде сновали эти противные люди.

Дух мог бы снова спрятаться – он ведь хотел так сделать, но потом понял, что кедру тоже очень одиноко и больно. И тогда дух начал заниматься тем, что умел и любил. Он снова начал ухаживать за своим товарищем – могучим и величественным кедром. Но кедр сейчас уже не казался таким огромным – каменные коробки вокруг были гораздо выше. Они закрывали небо и из-за них воздух становился душным и затхлым. Воздух был очень плох.

Дух не решился работать у всех на виду, поэтому он нырнул в землю и начал лечить корни. Почти месяц он останавливал сок, вытекающий из разрубленных корешков, направлял перегнутые и перекрученные, заживлял многочисленные ссадины. Когда работы была закончена, дух был ошеломлен – он наконец поднялся в крону и увидел, что могучий кедр потерял больше половины своих иголок, а шишки все осыпались и осыпались. Кедр медленно умирал.

Дух знал, что во всем виноваты эти люди. Он видел, как они ходят вокруг, подбирают упавшие шишки и хвою, а иногда даже отламывают низко висящие ветви. Тогда дух и решил для себя, что обязательно отомстит извергам. Ну, зачем?! Зачем они так поступили с его лучшим другом. Сей-

час великолепный исполин медленно умирал.

И наш знакомы дух даже не заметил, что прошли годы – так усердно он работал, так старался помочь другу. Прошли даже не годы, а десятилетия, а кедр все продолжал угасать. Теперь он уже не походил на великана, с густой шевелюрой кроны – он был хоть и высоким, но чахлым, серым и понурым.

И тогда дух понял, что он не может больше, что кедр умираем и он вместе с ним. Он вставал каждое утро и прогонял насекомых, вытравлял плесень, сохранял скудную влагу. Он уже не справлялся. И вот одним утром он не смог встать. На следующее утро тоже. У духа не хватало сил. Соки дерева не поднимались высоко, его верхние ветви уже были мертвы, и смерть потихоньку охватывала великана.

Трудно сказать, сколько это длилось: иногда, когда выпал дождик, дух поднимался по стволу и обнимал друга, он умолял его напиться дождевой водой, но кедр тоже терял силы.

А когда дух понял, что приходят его последние дни, он решил выйти к людям и проклясть их на век. Он не мог идти, он выполз из дерева и закричал:

– Вы убили моего друга! Будьте вы все прокляты. Мы умрем, и в этом ваша вина! Я хочу, чтобы вы все умерли в таких же мучениях, что и мы.

– Кто ты, странный звереныш, ты выглядишь очень больным. Можем ли мы тебе помочь? – Сказали люди.

– Ха-ха! Я не зверь, я дух этого дерева! И я буду проклинать вас каждый день, пока остаюсь в живых! И после смерти, если это только будет возможно, я буду проклинать вас. Каждый час! И каждую секунду!

– Мы видим, что дереву плохо, но чем мы можем помочь? Скажи нам!

– Не надо смеяться над бедным умирающим духом! Ваша земля мертва! В ней нет жизни и воды. В ней не осталось ни единого сока, которым я смог бы напоить кедр!

Дух продолжал кричать на людей, а когда силы его покинули совсем, он просто закрыл глаза и решил умереть уже полностью.

Но на следующее утро, когда он проснулся, его ожидал страшный сюрприз. Люди зачем-то стягивали шланги вокруг кедра и сваливали мусор к его корням. А через какое-то время из шлангов начала разбрызгиваться вода, а кучи мусора оказались очень приятными и из них в землю сочилось то, чем дух смог бы накормить друга.

Дух не понял, что же такое произошло, но он начал помогать кедру, он уговаривал его принять из земли немного пищи. Кедр очень устал так жить, он хотел скорее умереть, но друг-дух настаивал и кедр сдался. Но как оказалось, он слишком ослаб и не мог сам принять питание из почвы. Некоторые его корни засохли, другие были слишком толстыми и не могли впитывать достаточно влаги. Дух помогал как мог, не забывая проклинать людей.

– Проклятые люди! Вы делаете какую-то ерунду! Ваши зловонные кучи содержат много полезных веществ, а вода помогает кедру! Вы ошиблись! Ха-ха! Теперь у меня будет немного больше дней для того, чтобы проклинать вас!

– Но мы не хотим навредить вам. Мы хотим помочь. Мы принесли удобрения и стали поливать землю! Очень жаль, что ты не сказал нам этого раньше. Нам очень жалко, что вам пришлось страдать. Мы просто не знали, как помочь!

– Глупые злые люди! Зачем вы хотите обмануть меня? – Кричал дух, немного набравшийся сил. – Ваш воздух слишком душный, жарки и грязный! Вы сами живете в этом аду, и хотите, чтобы мы тоже мучались так же, как вы!

Долго еще дух кричал, он проклинал своих мучителей, не в силах навредить. А когда он упал без сил и заснул, наступила глубокая ночь.

Утро дух встретил с новым потрясением. Люди опять что-то делали. Они намотали металлическую трубку вокруг ствола кедра, они установили большие круглые штуки, которые время от времени выбрасывали водяную пыль. Кончено же дух не понимал, что происходит, он думал, что люди издеваются, но шли дни и кедр стал поправляться.

– Злые презренные люди! Вы хотите совсем сгубить мой кедр!

– Но, что не так? Мы привезли удобрения, мы поливаем землю, мы даже увлажняем воздух около дуба. Как мы еще можем помочь?

– Если бы вы хотели помочь, вы бы не стали убивать наш лес, вы бы не стали привозить нас в такое ужасное место. Вы сначала высушили нас, так, что древесина начала трескаться. Но и этого вам оказалось мало! – Дух плакал в отчаянии – Теперь кедр заболел плесенью! Его ствол и ветви намокли, а плесень стала разрастаться! Я не смогу почистить его! Теперь мы умрем. Быстро и мерзко! Как болотная березка! Все! Мы сгнием.

Люди забегали, они еще сильнее измывались на кедром! Они стали бурить в нем дыры, сдирать кору.

– Вот! Наконец-то вы показали свое настоящее обличие! Зачем, зачем вы это все делаете? Вы получаете удовольствия от мучения других живых существ! Лучше бы мы сгорели в пожаре!

Но люди не обращали внимания на крики духа. И к его ужасу, они и не думали прекращать истязания. Они делали маленькие дырки, большие дырки, выгрызали куски коры и древесины. А потом они стали совать в раны разные вещи: какие-то железки, мази и еще что-то. Дереву было больно, дерево бы кричало от страха и боли – если бы деревья умели говорить. Но дух то чувствовал. Он знал как плохо его другу. Ему было даже хуже, чем в дни, когда они засыхали и голодали.

Так шли дни. Дух, хоть и кричал на людей, выполняя свое обязательство проклинать их каждый раз, как только сможет, но свои занятия с другом не бросал. Он находил время,

чтобы помогать кедру, залечивать ранки, гнать соки вверх по стволу и прогонять вредителей.

Как бы ни был зол дух, но дереву становилось лучше. Нет, он не стал таким же красивым и величавым, как был раньше, когда жил в лесу, но ему точно становилось лучше. Духу тоже становилось лучше. И тогда, когда у духа выдавалась свободная минутка, он поднимался в крону друга, находил созревшие шишки и бросал их в противных людей. Он бросал шишки в странные штуки, которые развесили люди, иногда ему даже удавалось сломать некоторые из них.

А люди собирались на площади перед университетом и любовались величественным кедром. Кедр был самым красивым деревом в городе. Все его любили и собирались вокруг чтобы посидеть и отдохнуть. Иногда люди замечали духа и говорили:

– Как нам повезло, что этот дух стал с нами говорить. Ведь обычно духи не разговаривают с людьми. Знаете, если бы не этот дух, то кедр ни за что бы не прижился на нашей почве. Только благодаря его советам мы смогли спасти это дерев.

– Но этот дух не выглядит счастливым, – возражали им маленькие дети.

– Наверное, все духи таки. – Отвечали им родители.

Так и по сей день стоит это дерево на площади перед университетом в том городе, а люди приходят и любовются величественным исполином. Иногда, очень редко, некоторые люди говорят, что с ними поговорил дух. Они думают, что дух

рассказал им о какой-то проблеме дуба. Тогда люди собираются и пытаются исправить эту беду. Часто, очень часто, это помогает и поэтому дуб растет все выше и выше. Он ведь даже стал гораздо пышнее, чем когда его вывезли из леса.

Глава 3

– Анатолий Григорьевич, потрудитесь объяснить, что это было! – Крупная женщина нависла над своим столом. И хоть до старшего воспитателя было как минимум два метра, он ощутил угрозу.

– Обед! – Скрипнув зубами ответил он. Приходилось сдерживать. Сам Анатолий чувствовал, как его губы побелели от напряжения, но он с этим ничего не мог сделать. – Это был мой обед! Арина Петровна, можно меня не дергать хотя бы пока я ем!

В кабинете директора было двое. Сам воспитатель и директор. На белой рубашке Анатолия красовались жирные пятна, и он явно не было рад разговору с Ариной Петровной. В прочем, директор тоже не выглядела благодушной.

– Что за бредни Вы рассказываете детям! – Рывкнула директор. – Они и так дезориентированы. В их мозгах одни игрушки из квази, они совсем не вдупляют, что с ними происходит, а Вы им про каких-то духов рассказываете! Думать головой надо, прежде чем детям с уже испорченной психикой рассказывать небылицы!

– Это называется сказка! – Воспитатель не выдержал и вскочил с места. – Это называется сказка! Ска-з-ка! Чего я

должен рассказывать восьмилетним соплякам! Какого черта эту группу дали мне! Я работаю с детьми от двенадцати лет! У меня вся программа рассчитана...

– Сядьте! – Перебила Арина Петровна. – Знаете ли, ква-зипсихоз молодеет! Предлагаете оставлять детей в клинике до тех пор, пока они не подрастут?

– Я предлагаю перестать меня конвоировать санитарями! Эти ваши молодчики...

– Сядь! Если бы Вы пришли, когда я Вас вызывала!..

– Вызывали? Когда это Вы меня вызывали? Меня силой притащили сюда из столовой!

– Я послала за Вами Арсентия! Что вы сделали с мальчишкой? Зачем Вы разбили о его голову вазу?

– Ах, это! Он ворвался в палату во время сеанса! Как я, по-вашему, должен работать?

– Замечательный пример детям – кидаться посудой! Теперь к ним бригаду психологов посылать?

– Не надо! Они все равно не станут работать с психологами. Они на слова-то реагируют через раз!

– Вот именно! – Директор сама вскочила со своего места, настолько резко, что стоящий перед ней стол чуть было не опрокинулся. Тяжелый директорский стол, предположительно, сделанный из дуба, обтянутый кожей и обитый бронзой. – Свободны! Вон из моего кабинета! И чтобы через час у меня была объяснительная!

– Я Вам сейчас на словах все объясню! – С угрозой в го-

лосе возопил воспитатель. Анатолия трясло.

– Вон! И еще один залет – и Вы уволены!

– Да это будет счастливейший день в моей жизни! – Выпалил воспитатель, хлопая дверью.

...

Это был провал. Анатолий чувствовал себя морально униженным. Уже третий день он не понимал, с какой стороны подойти к новой группе. Он им читал сказки своего сочинения, он возился с ними, подолгу разговаривая, сразу со всеми и с каждым по отдельности. Если более старшие ребята после нудных лекций и увещевания все же нехотя, из-под палки, словно делая одолжение, начинали медленно и неуклюже возиться, то малолетние негодяи просто игнорировали его слова.

Новая группа игнорировала и ругань, и ласку, и приказы, и уговоры. Страшнее всего было видеть, как один из мальчишек с недоумением смотрел на воспитателя, когда тот до боли ущипнул его за плечо. Хотя, стоит ли обманывать себя? Гегам даже на недоуменный взгляд не сподобился бы. Он же не фокусировал взгляд, просто в тот момент Анатолий оказался в его поле зрения, и уже сам мужчина придумал эмоцию в этом безвольном взгляде.

Восьмерки? Какие же это восьмерки? Восьмерки должны выполнять простейшие команды, если их убедить им следовать. Это ведь даже не девятки! Это полнейшие десятки. Полнейшие. У них настолько не сформирован чувственный

опыт, что они не способны распознать ни голод, ни боль. Возможно эти дети просто не способны понять речь воспитателя. Они слышат издаваемые им звуки, но не способные сопоставить эти звуки с осмысленной речью. И почему же так получается? В квази же они общались. Разве это возможно, чтобы речевые области мозга справлялись с квази-общением, но пасовали перед речью в протомире? Нет, так быть не должно. Возможно, и это пока гипотеза, мозг у ребят развит полноценно, но он просто не научен работать с сенсорикой. Что это значит? Надо больше раздражителей. Больше речи, больше коммуникации.

А сейчас... Что же...

По крайней мере квазидизайнеры, разработавшие этот локальный мирок специально для Анатолия с его новой группой обещали, что у него не будет связи с остальным квази-пространством. Здесь в ограниченном мире можно было попытаться найти контакт. Попытаться хоть как-то наладить разговор. Попытаться объяснить детям, рад чего они находятся в реабилитационном центре. Но сам Анатолий чувствовал полный провал. И в том числе из-за этого импульсивного решения – самому погрузиться и попытаться вытянуть группу изнутри квазипространства.

Это было его первое погружение. Первый опыт.

Говорят, что в возрасте погружение в квази может быть даже болезненным. И Анатолий был к этому готов. К чему он готов не был, так это к тому, что квази будет ощущать-

ся как очень реалистичный сон. Просто сон. Замутненное сознание, очертания размыты, события словно проскальзывают мимо его внимания. Неужели его подопечные так же ощущают прото? Если так, то ничего удивительного, что они сильно дезориентированы в нормальном мире.

Но нет! Нет, он же, сам Анатолий осознает себя, осознает свое тело, пусть и сильно измененное, но осознает! Кстати, а почему его тело изменилось? Почему оно не такое же как в прото?

А организм реагировал на искажение восприятия стандартно – воспитателя мутило и к горлу подступала рвота. Забавно, что сейчас у него вообще не было организма, в привычном понимании слова, но его все равно сильно мутило.

Перед глазами бегал какой-то текст, но его прочитывать не получалось. Стоило сконцентрироваться на буквах, как начинала кружиться сильнее голова, как при очень сильном похмелье.

– Когда нас отпустят?

Вот те и на! Кто-то из детей начал с ним разговаривать первым. Вот и реабилитация. Зачем нужна реабилитация детям, которые спокойно общаются и даже начинают разговор первыми. Ах, точно... Сейчас же это квази. Так и должно было быть. На это Анатолий и надеялся.

– Когда вы научитесь жить. – Давя рвотный позыв прохрипел воспитатель.

– Но мы умеем жить! – Другой детский голос.

Понемногу Анатолий начинал осознавать происходящее. Комната. Пустая комната с белоснежными стенами и мягкими подстилками, плюшками, ковриками. Шесть детей в комнате вели себя по-разному. Один исследовал окружение, заглядывал под коврики, ощупывал предметы и стены. Он словно что-то искал. Миша – узнал ребенка воспитатель. Он как-раз выглядел самым собранным и не проявлял признаков растерянности.

Трое держались вместе. Они неспешно переходили от пуфика к лежанке, не проявляя особого интереса ни к предметам ни друг к другу. О вот двое, подошедших к Анатолию ребятишек могли быть только Оксаной и Павлом.

– Вам не хорошо? – Наконец поинтересовалась Оксана.

– Думаю, скоро все наладится. Я впервые в квази. Очень необычно. – Все еще ошарашенно ответил Анатолий.

– Как это замечательно! А Вам нравится здесь? – Продолжала допытываться девочка.

Да, для Анатолия эти расспросы были пыткой. Это надо концентрировать внимание на словах, и не просто на самих словах, надо было понимать значение каждого слова, а потом собирать из этих значений целое предложение. То есть смысл каждого отдельно сказанного слова может быть и был понятен, но вот во фразу они складывались не всегда. Приходилось мысленно повторять их, и только после этого можно было догадаться, о чем же идет речь. Анатолий понимал, что был задан вопрос. Что-то про оценочную характеристи-

ку. Кажется, надо было оценить помещение. Оценить помещение субъективно.

– Это просторная белая комната, в которой много мягкой мебели. – Послушно ответил воспитатель, но сам понял, что оценочной характеристикой его ответ даже не пахнет. Он констатировал факт, и тут же задумался. А ведь квазизависимые очень часто именно так и отвечали на вопросы. «Ты хочешь есть?», «Нет. Но я испытываю ощущение, похожее на ощущение голода».

Вот оно как. Дезориентация. Что же. Этот опыт воспитателю поможет лучше понимать воспитанников. Может быть. Если предположить, что механизмы квазипсихоза схожи с тем, что он испытывает сейчас. Смешно. Очень смешно. Анатолий – воспитатель, специалист по квази реабилетации сейчас сам себе поставил диагноз протопсихоза.

– Если погрузиться в квази очень поздно, то это может быть очень тяжело. – Сказал Павел девочке. – Давай оставим его в покое. Чего он тебе сдался?

– Это он нас мучает! – взвизгнул с другого конца комнаты Тимур. Да, это точно был Тимур. Не такой тощий, без серых кругов под глазами, но такой же кудрявый и с огромными ушами.

– Встань! – Продолжил мальчик. – Встань и скажи, как тебя зовут.

Анатолий подчинился. Безвольно, но покорно. Мутить стало сильнее. Но хуже всего, что это движение вверх из-

менило перспективу обзора. Более статичная картинка могла сойти за реальную, в смысле за протореальную, но в движении было очевидно, что поле обзора у Анатолия здесь несколько отличается. Как будто бы поле зрения стало шире. Значительно шире.

– Анатолий Григорьевич, старший воспитатель реабилитационного центра для квазизависимых детей и подростков.

– Мы не квазизависимые! – возразила Оксана.

– Тогда почему вы не разговаривали со мной в прото? – Анатолий перестал концентрироваться на зрении, и полностью перестал понимать, что вокруг него происходит. Усилиям воли он пытался зацепиться за лица, но это не получалось. Вопрос-ответ – слишком серьезная нагрузка для протосознания, не подготовленного к квазимиру.

– А зачем? – Голос, кажется, принадлежал Павлу.

– Вы осознаете, что в прото жить не можете? Вы просто погибнете, если выйдете из квази и рядом с вами никого не окажется.

– А зачем нам выходить из квази? Здесь очень даже хорошо! – Не сдавался мальчик.

– Вы вообще знаете, как попали в реабилитацию?

Тишина. И только спустя несколько минут:

– Нас привезли. – Кто это сказал, воспитатель не разобрал.

– Но почему?

Нет ответа.

– Потому, что ваши камеры депривации сломались, а вы в

этих камерах не получали питания. Вы умирали. Вам очень повезло, что вас случайно заметили и спасли.

– Так надо было просто отремонтировать камеру! – Кто же это сказал. Анатолий уже не различал голоса.

– Это как в той сказке?

– Ты слышал эту сказку? Я думал, вы меня не понимаете. – Мутная пелена перед глазами. Да, как же они тут живут! Это какой-то абзац! Анатолий не понимал, стоит он или лежит. Он не понимал откуда раздается голос. Он даже переставал осознавать себя как личность.

– Я Оксана. Я девочка. Я слышала.

– Почему не отвечала?

– А надо было? Ну... Не знаю. А зачем? Вам плохо? Воспитатель, Вам надо срочно выходить из квази. Пожалуйста, не теряйтесь! Дядя! Вы должны выйти из квази! Слышите меня!

– Отстань от него, пусть раствориться! Он же с нами так же делает!

– В прото не растворяются! Он же умрет!

– Ну, так иди, вытащи его из камеры.

– Не могу. Я не могу. Я не хочу туда. Там плохо. И страшно.

– И пусто. Там ничего нет. Зачем они хотят, чтобы мы ушли туда? Чего хорошего в прото? Я хочу домой. У меня колония гурси не кормлена! Они, наверное, уже достроили замок и выбрали королеву! Отпустите меня! Слышал меня!

Отпусти меня! Я не хочу в прото!

Шум. Даже слова детей стали похожи всего лишь на шум. Анатолий догадывался что происходит. Его сознание – не мозг, органический протомозг, а именно сознание, оказалось перегружено новым способом восприятия. Где-то в подкорке он понимал, что переутомленное его восприятие сейчас отключает каналы, дабы сохранить работоспособность. Да, он слышал, что иногда такое случается. «Раствориться». Раствориться – значит перестать осознавать себя, как целостную личность, а следовательно, и перестать представляться в квази. Есть шанс что мозг адаптируется. Но иногда такие бедолаги, как он, теряли рассудок. Теряли личность как в квази, так и в прото. Был один единственный шанс – выйти в прото. Но как? У нормальных людей это получается естественно, просто по воле. Но воспитателю даже не удавалось сформулировать эту мысль.

«Что же, замечательно. Эксперимент увенчался провалом. Что же... одним эксцессом в реабилитации больше. Вот будут интересные заголовки в завтрашних газетах» – успел подумать Анатолий.

– А!

– Нельзя бить воспитателя!

– Он меня щипал! Получай!

Удар в подбородок. Анатолий ощутил острую боль. Его пинали. Пинали в живот, по лицу, по шее. Пинали жестоко и чертовски больно.

– Тебя накажут!

– Получай!

Ошеломленные глаза. Анатолий видел, как кого-то хватают за руки, пытаются оттащить. Но этот кто-то вырывается. Нога стремительно и неотвратно летит к переносице. Боль вспыхивает в носу, отдается в затылок. Больно! До чего же больно!

Секунды тянутся невыносимо долго. Вспышка, свет!

Анатолия рвет. Долго, страшно. Он видит лицо девочки. Оксана. Испуганные глаза, неуверенная поза. Белые шорты. На шортах расплывается мокрое пятно. Это безумие!

Нет! Это не безумие! Это прото! Слава всем Богам! Это прото!

Знакомая палата. Койки ребят закрыты плотными ширмами. Нет – это не депривационные камеры. Так, легкое их подобие, собранные на скорую руку агрегаты. В палате стоит одна настоящая депривационная камера, и в этой камере сейчас находится сам Анатолий. И перед ним стоит растерянная девочка. Ноги девочки в блевоте. В его собственной блевоте. Стыдно.

Почему он отказался от присутствия инструктора. Его же предупреждали.

Взгляд Оксана расфокусирован, он направлен в бесконечность.

– Оксана, вы смогли. – Произносит воспитатель сквозь спазм в горле. – Вы смогли.

Но ответа нет.

Тогда Анатолий собирает оставшиеся силы, поднимается, берет девочку за руку, увлекает за собой. Но нет, она не делает попытки переставлять ноги. Придется брать ее на руки. Донести до ее кровати. А там сорванная ширма.

Какой же он дурак. А еще старший воспитатель. И ведь придется обо всем это писать отчет.

Но Оксана смогла выйти в прото. Смогла подняться с кровати, смогла дойти до его капсулы, и даже смогла откинуть колпак. И вот после этого героического поступка оно снова безэмоциональная кукла. Но почему так? Она же дошла, она же сделала! Почему так невыносимо противно?

Анатолий бредет к кровати Гегам. Он не уверен, что это был он. Но ведь он щипал Гегам, значит это он его пинал. Яростно и беспощадно.

Анатолий откидывает ширму – да это безопасно. Да, это вернет мальчишку в прото.

– Ты меня пинал. Пинал по лицу. – Анатолия удивляет его собственный отстраненный голос.

В глаза мальчика страх. Кажется это страх. А может быть воспитатель сам придумывает эту эмоцию. Губы подрагивают. Неужели мальчик пытается что-то сказать?

Анатолий кладет руку на его плечо. Анатолий говорит:

– Гегам. Ты спас меня. Я... Кажется я мог раствориться. – Воспитатель с трудом проговаривает жаргонизм. Но как еще назвать то, что он только что пережил. – То, что ты сделал.

Это был геройский поступок. Оксана выпустила меня. Она тоже сегодня герой. Но если бы не ты, она бы не успела.

Анатолий улыбается. Кажется ему нравится, что сейчас происходит, но полностью осознать значение произошедшего не выходит.

– Гегам, я не знаю, слышишь ли ты меня. Понимаешь ли ты меня. Я не буду извиняться за то, что щипал тебя. Я буду так делать. Обещаю, я научу тебя любить прото. Ты сможешь вернуться к жизни. Как только ты сможешь хотеть, понимать свои чувства в прото, как только ты пройдешь реабилитация – ты отправишься домой. И сможешь жить так, как сочтешь нужным. Но как ты только-что спас меня в квази – так же я спасу тебя в прото. Я это... Мы это сделаем. Обещаю.

Реальность ощущений возвращалась к воспитателю. Но он ощущал дичайшую усталость во всем теле. Ему еще хватило сил, чтобы распахнуть ширмы на остальных кроватках, но отключить аппаратуру у него уже сил не хватало. Он просто вернул всех детей в прото и вышел из палаты.

В коридоре он прислонился к стенке. В коридоре он прикрыл глаза и кажется, забылся на какое-то время.

Он чувствовал, как его тормозат. Он слышал, как его спрашивают. Он не помнил, как оказался в своем кабинете. Он не помнил, как уснул нормальным сном. Но он помнил страх. Всепоглощающий страх. Так не должно происходить. Какая же это эволюция сознания, если так страшно и так неправильно?

Просто он человек не того поколения, не того времени. Никогда ему не понять современных детей. Никогда ему не помочь им. Они уходят в квази. Они оставляют свои прототела и уходят в квази. Они теряют всякую связь с его реальностью.

Он бы мог в это поверить. Но ведь они погибают. Погибают их позабытые прототела, а вместе с ними погибают и души, и квазисознания. Нет, он должен взять себя в руки и должен делать хоть что-то.

«Какой же я дурка! Надо было попросить войти в квази ассистентов, а не переться в неизвестный доселе мир в грязных ботинках» – укорял воспитатель себя. То ли во сне, то ли в бреду.

– Почему его так колбасит? – услышал Анатолий чей-то голос сквозь сон.

Ответа он не услышал. Но в сознании четко отпечталось ощущение, что его внимательно изучают. Что на него смотрят две пары глаз. Что же, хорошо, что хоть кто-то сейчас есть рядом. Будет так нелепо, если с ним что-то случится сейчас, когда он уже выбрался из самого страшного своего кошмара. Да, шок иногда бывает более губительным, чем травмы. Люди иногда гибнут не из-за перелома черепа и внутреннего кровоизлияния, а от банального шока. Такое бывает.

Но все это потом. Сейчас – спать!

Глава 4

– Вы идиот? – Арина Петровна с интересом уставилась на сотрудника, который уже слишком часто за последние дни оказывался в ее кабинете. – Пока опустим сомнительные методы, которые Вы практикуете с нашими воспитанниками. Но, черт возьми, как Вам в голову могло прийти самому, без моего одобрения, без доклада и без подготовки устраивать сессию в квази? И ладно, Бог бы с ним, но Вам пятьдесят три года! Как вообще могло получиться, что в пятьдесят три года это было первое в жизни погружение? Почему Вы об это не сообщили техникам! Вы же вроде раньше были вменяемым человеком! Вменяемым! А тут Вы скрываете жизненно важную информацию, Вы подставляете всех под статью. Вы же знаете, что первое погружение может быть болезненным даже в детстве, а риск осложнения увеличивается с возрастом! Да где Вы сейчас найдете человека, который будет самолично погружаться после пятидесяти! Вы могли получить когнитивный шок, вы могли остаться инвалидом!

– По Вашим словам, Арина Петровна, я идиотом являюсь перманентно. Так какие спросы с инвалида? – Огрызнулся Анатолий.

– Не валяйте дурака, Вы уже натворили дел! Чтобы через час на этом столе лежал отчет и объяснительная. Я Вас должна отстранить! Понимаете, полностью и безвозвратно! Что Вы делаете с детьми, о детях Вы подумали? Вы подумали, кого я поставлю вместо Вас? Где кадры? У меня глупые девочки и самоуверенные мальчишки в штате. У них ни меди-

цинского, ни педагогического образования. Опыта работы – ноль в семнадцатой степени! Докладную сейчас же!

– Или я могу заняться делом! – Раздосадованный свой же оплошностью воспитатель вскинул руки вверх, изображая ладонями чаши весов, которые колебались, пытаюсь найти равновесие. – Потратить час на сочинения бумажки, которой Вы подотретесь в туалете или заняться больными? Да я за этот час проведу три индивидуальных сеанса! Да я за этот час...

– Хватит! Хватит, Анатолий Григорьевич! Вы уже достаточно сказали! Вон из моего кабинета! Вы отстранены на два дня! У вас отпуск! Идите и выспитесь! А в четверг приходите сразу же в этот кабинет с объяснительной и полным отчетом! Ровно в девять!

– Лекс! – Внезапно завопила женщина, перебивая сама себя.

– Что, Арина Петровна? – Из-за двери выглянул молоденьки парнишка, по виду, еще школьник. На его безусом лице красовались веснушки, рыжие волосы сияли, перекрывая голубые глаза.

...

Я вошел в кабинет. Да, когда я устраивался на стажировку в реабилитационный центр, то не ожидал такого. Сначала мне дали кипу бумаг, самоучителей, методичек и велели проштудировать все за ночь. И эта ночь длилась невыносимо долго. Не знакомые термины, чуждые понятия, какие-то за-

умные и высокопарные тексты. Глотком воздуха в них оказались методички от Гаврилова А. Г., который излагал свои методы работы нормальным живым языком. В них удалось даже немного разобраться, если пропустить долгие нудные экскурсы в педагогику и психологию. Что же, наверное, надо немного сказать о себе – ведь не случайно я попал в около медицинскую организацию. Значит у меня есть какое-то профильное образование?

А вот и нет. Когда я закончил школу и по курьезу оказался негодным к воинской службе, передо мной встала нетривиальная задача выбора профессионального учебного заведения. Сам я горел всем компьютерным. Вот, только не надо смеяться. Да, я понимаю, что в эру квази-технологий компьютерные технологии уже не котируются, и все коммуникационные и медийные задачи с легкостью можно возложить на столь полюбившийся квази. Сейчас самыми популярными специальностями стали квази-дизайнер и квази-оператор. Вот так. Но в этих областях уже хватает самопальных специалистов, а учиться пять лет на то, чем люди занимаются самостоятельно с детства – ищите дураков в другом месте.

Поэтому-то я и устроился на курс Ай-Ти специалиста... В педагогический колледж.

Да... Ирония в том, что где-то на третьем курсе я внезапно осознал, что я не столько программист, сколько аниматор. И с таким образованием можно было идти в воспитатели детского сада, становиться ведущим свадеб или детских

утренников, либо же трудоустроившись продавцом.

Как вы понимаете, продавцом я работать не хотел принципиально, воспитателем детского сада по идейным соображениям, а аниматором в связи со своей природной робостью и страхом перед людьми. Поэтому, когда увидел объявление о приеме на должность лаборанта в РЦКДП, то сразу же откликнулся, отправил резюме – и вот я уже стою под дверью директора ожидая приглашения.

И сразу же предупрежу, чем занимаются лаборанты в реабилитационных центрах я не знаю. Пожалуй, до сих пор не знаю.

Поэтому, когда я услышал свое имя, выкрикнутое директором, без раздумий ворвался в ее кабинет. Но что я увидел? Увидел я не тривиальную картину.

Очень полная не молодая женщина нависла над солидным мужчиной слегка помятого вида.

Стены просторного кабинета, плотно уставленные стеллажами с документами, освещались ионными панелями, встроенными в потолок и поэтому казалось, что источник света находится в полуметре ниже оного. Современная техника в этом центре. Сам я такие светильники позволить себе не мог, ведь стоили они как половина простенького автомобиля, зато давали поразительно мягкий и рассеянный свет, а самого его источника видно не было. Как-то дядя пытался мне объяснить, как достигается такой эффект, но я понял только то, что свет становится виден только после того, как отразить-

ся от какой-то поверхности. Дикая бредятина – но выглядит очень богато.

В центре кабинета стоял огромный тяжеленный стол, с обитой сукном столешницей. Но удивляло то, что в некоторых местах встречались кожаные вставки, а края и грани оказались отделанными какой-то винтажной лепниной. Казалось, этот стол занимает все свободное пространство, закрывая собой машину директорши... В смысле директора. Ведь слово «Директор» не существует в женской форме?

Но и эта преграда не мешала Арине Петровне угрожающе нависать над мужчиной. Она была самым возмущением, ее лицо неровно покраснелось. Да, моего нового начальника зовут Арина Петровна, и это мой первый с ней разговор. До этого мне удалось познакомиться только с секретаршей – прелестной молодой девушкой, имя которой я уже успел благополучно забыть. А жаль, ведь можно было бы попробовать за ней приударить... Но, видимо, не судьба... Не спрашивать же ее еще раз имя!

А мужчина не казался сильно подавленным. Пусть он и находился сейчас буквально в тени начальницы, но продолжал смотреть на нее надменно снизу вверх.

– Что, Арина Петровна? – Взвизгнул я. Как же стремно это вышло! Я же говорю обычно не таким голосом!

– Познакомься со своим куратором. – Не отводя взгляда от мужчины, проговорила она. – Это Анатолий Григорьевич Гаврилов. Он наш ведущий специалист по квази-реабилита-

ции. Он будет твоим наставником. Да! Я сказала наставником! Ты переходишь в его полное распоряжение. Только он отстранен от практики на два дня, поэтому вы оба сейчас идете в библиотеку до конца рабочего дня. А завтра у вас обоих выходной! И если хоть кого-то из вас увидят в нашем центре до четверга, то вас расстреляют транквилизаторами и запрут в карцер!

Последние несколько слов Арина Петровна сказала, пристально глядя в глаза Анатолия Григорьевича.

– У Вас есть карцер? – Вот честно, это я брякнул чисто из-за растерянности. Просто не ожидал столь ошеломительного приема.

– Да молодой человек! Кхм... Нет, молодой человек. У нас есть лазарет и подсобка. Да, Анатолий Григорьевич?

Мне послышались угрожающие нотки в голосе начальницы.

– Да, Арина Петровна. – Нота-в-ноту ответил мужчина, его голос был низким немного вкрадчивым и лишь на полтона уступал в громкости. – Есть у нас такая традиция, колоть транквилизатор сотрудникам и увозить их против воли в места не столь отдаленные! И что бы Вы знали! Я буду писать жалобу!

– Кому? – Директор взорвалась усмешкой.

– Вам! – Названный Анатолием Григорьевичем, ткнул палец в грудь женщины. – Я буду писать жалобу о том, что под видом семерок мне была всучена группа десятков! Я буду жа-

ловаться, что мне, специалисту по подростковому возрасту всучили детсадовцев. И я буду жаловаться на то, что мне навязывают ассистента, в котором я не нуждаюсь.

– Хорошо, по порядку. – Директор внезапно уселась в кресло, и уложив руки перед собой перешла на умильный елейный тон. – Во-первых, как ни как, Вы научный сотрудник и Вам полагается аспирант. Надо, да, Анатолий Григорьевич, надо готовить к работе молодежь. Кстати, мы до сих пор ждем от Вас результаты прошлого исследования. Ой, ладно! Методички не считаются! Надо публиковаться!

– Мне не надо. – Буркнул Анатолий. – Если Вам надо, то Вы и публикуйтесь.

– Во-вторых, – не отвлекаясь на слова сотрудника, продолжала директор, – Вы сами правильно сказали, что наши воспитатели с этими детишками не работают, а сюсюкаются. Сейчас у меня просто нет иного человека, кроме Вас, Анатолий Григорьевич, кому я могла бы дать эту группу. И в-третьих... Это самое сложное. С десятками Вы перегнули. Но в чем-то Вы правы. Это девятки. Причем, самые юные девятки которых я видела. И Вы лучше меня знаете, что будет с этими детьми дальше. А они дети! У них вся жизнь впереди. Их нельзя отдавать в клиники! У них ведь все еще в порядке с организмом. Опять же пресловутая детская гибкая психика.

Арина Петровна развела руки, протирая суконное покрытие стола.

– Да, я их почти выкрала. Нашелся человек, который смог подделать результаты экспертизы. Вместо девяток, по бумагам они пошли как семерки. Но Вы же сможете, Анатолий Григорьевич! Я знаю, что сможете! И никто кроме Вас. Опять же, подумайте, как поможет вашим исследованиям данная работа. Вас выдвинут на нобелевскую премию! Я сама буду ходатайствовать. И у меня есть кое-какие связи. Это реально. Представляете, как Вы станете знамениты!

– Ой, бросьте. А Вы сядете за подлог! Хватит заливать!

– А я на это пойду. – Твердо заявила женщина. – Вы можете не верить. Но я готова отвечать перед судом, если хоть кто-то из этих детей сможет жить полноценно. И я знаю, что Вы понимаете меня Анатолий Григорьевич!

И тут у меня в голове будто что-то щелкнуло. Почему Арина Петровна так часто повторяет имя этого мужчины? Неужели это НЛП? Неужели манипуляция? Но какая-то неказистая. Когда она заговорила о славе, Анатолия Григорьевича просто передернуло. Не могла она не знать, что у ее подчиненного нет тщеславия, или что он с негативом относится к премии Нобеля. Что-то не складывается. Хотя почему же? Она в гневе кричит на сотрудника только из-за того, что тот сам находится на грани. Раппорт?

Куда же я попал? Ладно, допустим, что Арина Петровна на самом деле не является идейной спасительнице человечества, как только что заявила, а всего лишь прагматичный директор. А я сейчас разменная монета, которую разыгрывают

с целью заставить Анатолия вести себя более избирательно. Получается мерзковато. А как иначе? У меня ни образования, ни цели, ни опыта. Почему бы не воспользоваться мной при случае. Так, надо сделать заметку, держать ухо во остро с этой толстухой.

А на лице Анатолия Григорьевича сейчас красовалась кривая усмешка – немного призрачения и надменности, немного облегчения и досады.

Или это был инсульт. Ну, я иногда приписываю людям эмоции, им не свойственные. Знаю я за собой такой грешок.

Но нет. Это не инсульт. Анатолий, выдержал паузу в три секунды и заявил:

– Значит все решено?

– Значит все решено. – Подтвердила директор.

– Я могу идти?

– Вы можете идти. Только не забудьте подобрать кабинет юноше. Кажется, возле Вашего есть один. Или, может быть, Вы хотите разделить свой кабинет с ним? Для удобства работы. Лекса надо поддержать, ввести в курс, показать наши методы. В общем, включить в работу. Только прошу, не делайте из него мальчишку на побегушках. Мне нужны реабилитологи.

– Какое у тебя образование, Лекс? – Услышал я слова, назначенного наставником уже в коридоре.

– Педагогическое. В Ай-Ти области. – Смущаясь ответил я.

– И какая же у тебя специальность? – Закономерный вопрос.

– Специалист в области информационных технологий в образовании. – Еще сильнее смущаясь пояснил я и уже замер в ожидании следующего логического вопроса.

– И что же это значит?

– По-моему, даже в колледже, где я учился, никто этого не знал. Большинство моих сокурсников устроились продавцами. Две девушки нашли работу в творческих кружках. Одна ведет квази-фотографию, другая компьютерное моделирование в доме творчества.

– Кхм. Что же. Это даже хорошо. Наверное. Если бы ты сказал, что у тебя медицинское высшее, то я бы тебя к нашим детям близко не подпустил. – Рассеянно заявил Анатолий Григорьевич. – Знаешь, было тут две девушки. Они себя мнили специалистами в реабилитации. Только реабилитация после токсического поражения мозга или после инсульта, несколько отличается от того, что нам приходится делать. Мне так и не удалось им объяснить, чего же от них требуется. Впрочем, они сейчас прекрасно работают в клиниках. И запись в их резюме, что они прошли стажировку у Гаврилова, выглядит достаточно внушительно. Ой, не бери в голову. Мании величия у меня еще нет. И старческий маразм не наступил. Моя фамилия засветилась только стараниями Арины. У нее свербит в одном месте. Нужно везде сунуться, везде поучаствовать. Если я не пишу диссертацию, то я должен

издаваться в заграничном журнале с халтурными статьями. А если я два месяца не публиковался – то это повод для истерики. А вчера, она меня силой заставила участвовать в каком-то ток-шоу.

– Сложно, наверное, тут работать? – Не то, чтобы я хотел утешить мужчину, но что-то сказать-то надо было.

– Брось. Весело тут. Если через месяц не убежишь – то втянешься. Книжки читаешь, что-то попробуешь, пару десятков квазанутых отправишь в госпиталь – и научишься. Хорошо, хоть наши пациенты не жизнью рискуют, а всего лишь прото-жизнью. Хех. Ну, останутся пару сотен детишек овощами в прото на всю жизнь. Но в квази-то они продолжат полноценную жизнь. Так что научись не переживать о неудачах. Людей много. Очень много. Будет на чем поэкспериментировать. Хорошо хоть, что мы не хирурги, и наши ошибки не надо хоронить на заднем дворе.

Все это Анатолий говорил с отрешенным видом, словно и не со мной сейчас разговаривал. Я слышал тоску в его голосе. Неужели он сейчас рассказывал свой путь? Слишком цинично для нормального человека. Хотя, может быть иначе и не выйдет. Может быть и я научусь относиться к людям, как к очередному опыту, эксперименту, попытке...

Хотя, чего это я? Какой я реабилитолог? Я же лаборантом пришел работать! Баночки там, разные протирать, проводить анализы мочи и калла, лужи крови подтирать с кафельного пола. Какие пациенты! Стоп! Стоп! Стоп! Куда вы

меня втягиваете!

– Стоп! Какое втянусь?! – Заорал я. – Я же не хочу работать реабилитологом! Я обслуживающий персонал! Нет! Я не хочу работать с людьми!

– Может быть ты упустил из виду, но ты еще и диссертацию писать будешь, раз уж стал аспирантом.

– Каким аспирантом! – В ужасе заорал я. – У меня даже высшего образования нет!

– Как тебя зовут?

Ничего себе! Вот так просто переспросить мое имя? Этот мужик просто мастодонт! Мне бы в жизнь не хватило бы духу признаться в том, что я не запомнил имени собеседника. Я бы бекая и мекая, пытался бы обойтись без именованья, обращаясь на Вы, по должности или еще как. Меня немного прошибло жаром. И даже взяли завидки. Хорошо хоть имя этого мужчины было сегодня произнесено столько раз, что мне еще не удалось его забыть.

– Григорий Анатольевич, меня зовут Лекс. – Смущаясь произнес я. И, черт возьми, из-за этого смущения я чуть ли не каждую букровку в его имени проговорил отдельно и торжественно.

– Лекс, значит. А меня зовут Анатолий Григорьевич. Наоборот. Я Анатолий, мой папа – Григорий. Лекс, а отчество у тебя есть? В нашей среде принято обращаться по имени-отчеству.

По спине пролился холодный пот. Что же я за лопух та-

кой? Только было подумал, что ни в жизнь не перепутаю имя нового наставника, и на тебе!

– Простите пожалуйста, – не в силах поднять глаза промычал я, – я не хотел Вас обидеть, Анатолий Григорьевич. А меня зовут просто Лекс. Без отчества. Моего папу зовут Вульк, но у нас не принято давать отчества детям. Моя фамилия Пеггаз, если это важно.

– Парень, все хорошо, – После долгого вздоха произнес Анатолий, – давай договоримся, что ты не будешь смущаться передо мной, иначе у нас просто не выйдет работать. Я серьезно. Что за народность у тебя такая странная?

– Я химеройд.

– О! – Со знанием заявил наставник. – Ну, тогда извини. Какого поколения? Ладно, если не хочешь говорить, можешь не отвечать.

– Ну... Мой отец химера первого поколения.

– И кто он?

– Брантозавр. – Все. Официально подтверждаю, что сейчас от смущения упаду в обморок! Блин, даже дышать стало сложно. Ну, брантозавр у меня батя, и что теперь? Надо устраивать допросы на ровном месте?

– А по тебе и не скажешь.

– Мне надо в туалет! – только пискнул я, уползая по стеночке. Сердце колотилось где-то в горле, а обида жгла печенку. И только скрывшись за углом, мне удалось отдышаться. Лишь бы никто не видел!

Вот... Если вас удивила моя реакция, то спешу объяснить. Видите ли, я немного застенчивый. Самую малость. И мне становится не по себе, если на меня обращают слишком пристальное внимание. Хотя, вы, наверное, тоже не слишком любили, когда вас вызывали к доске в школе рассказывать урок, который вы пропустили. Да еще и подсмеивались при этом. Так что не надо делать такие глаза, будто я сделал что-то странное. Вот не надо этого!

Ну, и пару слов про химер. Я уже привык к такой реакции. «Твой папа правда химера?», «Ух ты, круто!», «А какая способность у тебя?» и тому подобные. Сразу расставим все точки над «е». У меня нет никаких особенностей. Я обычный человек. Но химеройд. Я сын генетически измененного мужчины и генетически нормальной девушки. И предупреждая ваш вопрос сразу же говорю: гены моего отца были изменены до его рождения его родителями. Соответственно, моими бабушкой и дедушкой. Правда с ними я никогда не встречался, так как отец очень сильно обижен на них. Он их называет сумасшедшими психопатами и вырожденками, экспериментирующими над собственными детьми. Он утверждает, что мне очень повезло, что я родился без внешних признаков химероида, но, когда в 12 лет мы проходили генетический анализ, выяснилось, что мой ДНК не является классическим. Что-то там не совсем как у остальных людей. Но в целом – я совершенно обычный.

Честное слово! И давайте больше не будем возвращаться

к этому вопросу.

...

Остаток дня прошел еще более сумбурно, чем его начало. Как и было велено, новый наставник оттащил меня в библиотеку. Просторное помещение, разделенное рядами стеллажей. Да, вот чего я не ожидал – так того, что библиотека – это куча собирающих пыль книг. Причем стеллажи казались забитыми книгами сверх нормы, часто можно было увидеть стопки папок, сложенных просто поверх шкафов – да их даже со стула достать было бы не реально! Где-то явно была припрятана лестница.

– Это антураж. – Анатолий Григорьевич говорил не охотно, за что я был благодарен и ему и вселенной. – Пошли вон за тот стол, где освещение получше. А на полки можешь не смотреть – тут конечно же много умных и полезных книжек, но не советую тебе искать что-то конкретное. Это просто бесполезно. Знаешь... Где-то здесь была картотека. Когда-то. Но книги брали, возвращали, теряли, приносили новые... В общем, если сюда попадет библиотекарь, то он сначала лишится дара речи, потом его схватит инсульт, а затем он попытается спалить это безобразие к чертям.

Анатолий Григорьевич вытянул какую-то книгу с одной из верхних полок.

– В смысле, это реальная история. Как-то наши умники решили навести здесь порядок и пригнали пять студентов для отработки практики. Два дня они чего-то тут возились, а

потом произошел маленький пожар и одно мальчишку увезли с нервных потрясением. Не знаю, что конкретно тут произошло, но больше никто этими книгами по назначению не пользовался.

Я попытался разглядеть книгу в руках наставника – толстый увесистый том за авторством Юнга.

Анатолий открыл, как мне показалось наугад эту книгу, вдумчиво прочитал что-то, усмехнулся и сунул ее на полку совершенно в другое место, просто поверх других произведений.

– Иногда люблю «погадать» на книгах. Хотя, наверное, ты и не знаешь, что значит «погадать». Раньше, в старину, когда я еще был молод, – с некоторой иронией продолжил Анатолий, – было такое искусство – гадание. Гадали на чайной заварке, на хрустальном шаре, на картах и, кстати, на ладони. Вроде как пытались предугадать будущее.

– Интересно. Вы умеете гадать? Что вы угадали в этой книге? – Наобум спросил я.

– Эта книга предвещает мне что-то связанное с религией, с провозглашенной доктриной и уверяет, что она будет понятна каждому верующему и страждущему сердцу. Даже самому дальнему уголку сердца.

Мужчина рассеянно помолчал и добавил:

– В общем, я не уверен, что это именно так работает. Хотя, это предзнаменование меня радует. Если уж самые далекие умы смогут понять доктрину, то и недалекие умы в ней

смогут разобраться тем паче. Думаю, это как раз про то, чем мы будем сейчас заниматься.

– А можно и мне погадать?

– Да, пожалуйста. – Слишком уж едкая усмешка получилась у Анатолия.

– А что надо делать?

Он дернул одним плечом, и недовольно ответил:

– Бери книгу, открывай на любой странице, читай.

– Вслух?

Анатолий скрипнул зубами.

А мне попалась книга в глянцевої корочке, с красочными картинками на форзаце. И я прочитал вслух, старясь придать голосу хоть какое-то выражение.

«– Мама, я чувствую себя такой старой, – сказала она, плача. – Как будто мне пятнадцать лет!»

– Мне кажется, – отметил Анатолий, – что именно эту книгу не стоит читать с такой патетикой. Что это за книга? Кто автор?

Но я уже сунул ее на место.

– Сейчас найду! Вот только...

– Брось, в одну реку не суждено войти дважды. Мне еще ни разу не удалось наткнуться в этой библиотеки на одну и ту же книгу повторно. Скажи лучше другое. Как думаешь, угадала книга?

Я упрямо засопел. Эх! Прямо как маленький ребенок. Понял, что зря нахохлился и сунул руки в карманы, если уж не

хочу повторять прочитанное в книге.

– Может быть это Фрейд? О половом воспитании подростков? Или о детских психологических травмах. – Размышлял вслух Анатолий, продвигаясь к выбранному столу. – Там говорилось что-то про отношения с родителями или про подавленное сексуальное влечение к отцу?

– Я не знаю, – совсем растерялся я, – я не успел прочитать ничего более. Но там были какие-то картинки.

– Откуда здесь книги с картинками? Если только это не атлас человеческого тела... Может быть пример рисунка психически не здорового пациента? Ну, есть же такая практика, как арт-терапия. Кстати! Надо пометку сделать насчет арт-терапии. Какие авторы ее разрабатывали?

Анатолий пристально посмотрел мне в глаза, но добавил:

– Извини, Лекс. Забыл, что у тебя образование в сфере Ай-Ти технологий. Откуда тебе знать работы психологов мента-века.

– Могу посмотреть! – Обиделся я, уже подбивая через нейроинтерфейс подборку авторов, работающих в этой области.

– Оставь, пустое. Ну, чего ты остановился?

– Я поражен. Извините. Но мы сейчас разговариваем, и мне достаточно комфортно. Это не обычно.

Вот блин! Я это вслух сказал! Да чего же я такой нелепый!

– Если что, туалет там. – Анатолий махнул рукой куда-то в сторону. – Но можешь от меня больше там не прятаться.

Зря так удивляешься – ты сейчас как в тот раз покраснел, и тут же побледнел. Эх, наверное, я бы с ума сошел, если бы меня так штормило. Это все из-за химерских генов?

И вот тут меня уже реально заколотило. Как же я ненавижу это чувство смущения! Оно меня в могилу заведет!

И тут меня уже замутило на физиологическом уровне. О нет! Если меня вырвет прямо сейчас? Что же я буду делать!

Глава 5

И этот день прошел за долгими нудными разговорами. Сначала Анатолий Григорьевич загрузил меня мегабайтами книг. И не подумайте, что я говорю всего лишь про мегабайты. В этих книгах, действительно, был только и исключительно текст, да редкие диаграммы, занимавших от силы килобайт сто от общего объема, так сказать, учебной литературы. Зато, находясь рядом с наставником, я мог спрашивать его о непонятных терминах и обсуждать спорные моменты.

Ну, если вы уже хорошо поняли, кто я такой, то вы и сами догадались, что «Мог спрашивать» вовсе не означает, что спрашивал. Нет, сам я к Анатолию не обращался, но когда тот время от времени интересовался, как идут мои дела в изучении очередной методики, я честно излагал то, что смог постичь. Тут то Анатолий переходил в лекторский режим, и минут десять рассказывал, почему же я не прав и в чем конкретно заблуждаюсь. Впрочем, он спокойно мог разбить в пух и прах статью, только что порекомендованную мне. И только спустя пять часов этой пытки, он наконец заметил:

– Знаешь, я предоставлю тебе возможность работать с самой перспективной группой.

Я сразу понял, что речь идет о той проблемной группе, которую на высоких тонах они обсуждали с директором. По спине пробежал холодок.

– Нет, – тут же возразил себе Анатолий Григорьевич, – это будет великолепная практика. Вы, молодой человек, как никто найдете с ребятами общий язык. Вы почти юны, вы так же гибки в восприятии и конечно же лучше меня знакомы с молодежными трендами.

Я сглотнул. Наверное, слишком громко. Бедные мои руки в нерешительности то убегали под стол, терзая колени, то прятались в карманы, и только когда я усилием их заставлял вернуться на стол перед собой, крепко сцеплялись в замочек. Но стоило ослабить волю, как тут же снова убегали в свободное плавание. И почему я такое большое внимание уделяю рукам? Все очень просто! Разве вы не знали, что по рукам можно прочесть эмоциональное состояние человека? Растерянный и испуганный человек старается руки спрятать, впавший в скепсис – скрестить на груди, а вот спокойный, продуктивно настроенный человек будет держать свои руки на виду, они будут спокойны, а ладони слегка развернутся в сторону собеседника.

Черт! Если я и дальше буду так выворачивать руки, то Анатолий подумает, что у меня эпилептический припадок. Ладно. Положу руки на колено, одну на другую, так и спину

будет проще выпрямить! А значит и взгляд мой будет более уверенным.

– Что на это скажете? – Вопрос наставника меня застал врасплох. Кажется, я слишком сильно увлекся самоанализом и пропустил несколько реплик.

– Я уверен, что это не самая лучшая идея. Все же у меня ни опыта, ни образования. – Сконфуженно предложил я.

– Вот поэтому это будет лучшим нашим решением. Пошли!

– Куда мы идем? – Уже испуганно пискнул я, понимая, что сейчас наставник вцепится в мою руку, и потащит силой.

– Как куда? Ко мне домой! У меня дома более удобная обстановка. К тому же, многие записи я веду только на бумаге. Например, карты новых пациентов, мои предположения. Нет, я могу конечно же пересказать многое по памяти, но видео прошлых процедур я не загружал в интерфейс. Это просто опасно. Лекс, пойдем же, уже.

В этот момент взрослый мужик выглядел взволнованным подростком. И в чем его пыталась убедить Арина Петровна, директор РЦКДП, когда Анатолий горел своим делом ярче любого из здесь присутствующих. Похоже весь разыгранный скандал был нужен только для того, чтобы потешить самолюбие опытного специалиста.

И вот в этот самый момент я абсолютно четко понял, что мне надо валить из этого реабилитационного центра как можно скорее. Иначе самому придется лечиться.

– Анатолий Григорьевич! – Взмолился я.

– Нет и нет! Вы, молодой человек приняты на работу. И Ваш рабочий день еще не закончен. Я не позволю отлынивать от выполнения своих функций! Завтра мы тоже встретимся... Где-то. И не думайте, что раз Арина Петровна запретила нам работать в стенах центра – это значит, что надо прохладиться. Вас надо поднимать на ноги! Так сказать, компенсировать белые пятна в Вашем образовании! Иначе я не смогу допустить Вас до работы с пациентами.

Вот! Как же я не люблю энтузиазм. Особенно такой боевой энтузиазм – именно поэтому я хотел устроиться лаборантом и не встречаться больше никогда с такими людьми. Разве много я прошу? Маленькая лаборатория, может быть коморка, в которой стоят пара приборов, колбочек, стопка бумаг. Где никогда ничего не происходит, куда приносят коробки с препаратами, а я их сортирую, разлагаю на атомы, провожу спектральный анализ и делаю какие-то выводы. Да? Ведь этим занимаются лаборанты? Правда ведь?

Мы вылетели из дверей РЦКДП в половине четвертого вечера и стали с негодованием ожидать такси. Потом выяснилось, что такси никто не заказал.

– Арина Петровна! – Прокричал Анатолий Григорьевич, прикрывая правой ладонью ухо. – Говорит Анатолий Григорьевич. Прошу, вызовите такси к главному входу для меня и Лекса.

Ответа директора я не слышал. Впрочем, для разговора

по нейроинтерфейсу вообще не требовалось говорить вслух, тем более прикладывать руку к уху. Но у пожилых людей все еще оставался двигательный стереотип, и желание прикрыть ухо, видимо вызванный тем, что у них разговор по интерфейсу ассоциировался с разговором посредством мобильного телефона. Да, раньше были такие аппараты с микрофоном и динамиком, которые могли записывать звук, передавать его на расстояние через электро-волны, и воспроизводить на другом конце. А Анатолий Григорьевич мог застать еще не цифровую эру коммуникации.

– Нет, я не могу. Вам что сложно что ли? Я домой еду!

Похоже последний довод о том, что незаменимый специалист наконец-то уберется восвояси и покинет стены центра убедил директора и она вызвала машину. Наверное – ведь я не слышал ее ответов. Возможно же Анатолий сам сделал вызов, только на этот раз не озвучивая слова вслух. Все же нейроинтерфейс позволяет оперировать без внешних проявлений речи, считывая внутренний монолог или обеспечивая текстовый час. Я же, например, все это время параллельно заканчивал штудировать заданный мне текст. Читать по диагонали не сложно – главное выделить ключевые слова и определить основной паттерн повествования. А в научных статьях можно смело пропускать ту часть, где происходит обоснование проблемы, апробация и доказательство, а сразу же переходить к выводам. Хотя, в большинстве случаев даже выводы можно было полностью не читать. Только в трех

книгах пришлось обращаться к главам, чтобы понять термины, используемые в заключении.

– Анатолий Григорьевич! – Молодой голос окликнул мужчину.

Парень в спортивном костюме бежал к нам, призывно вытянув одну руку вперед. Но мой наставник не узнавал юношу, который был явно крепче, но моложе меня. Года на два.

– Анатолий Григорьевич, подождите! Я Сергей! Сергей Шпагин!

– Молодой человек, извините, но нас уже ждет такси. – Отстраненно пробормотал Анатолий Григорьевич, отворяющий пассажирскую дверцу машины.

– Это Ваш пациент? – Мой интерес, собственно, был праздным – какая мне разница, кем ему приходится этот юноша.

У парня на бегу красиво развивались полы длинного плаща, вьющиеся грязные волосы пархали на потоках ветра, но под плащом была спортивная майка, трико и кроссовки на ногах. Странно одет парень. Вроде бы спортивная одежда, но зачем ему дешевый плащ в теплый безоблачный день?

– Чем могу помочь? – Недовольно буркнул Анатолий, когда парнишка оказался слишком близко. Недовольство моего наставника могло показаться старческим брюзжанием, хоть ему и было всего немного за пятьдесят, но я-то сейчас понимал, что это инфантильное нежелание отрываться от намеченного плана. Мужчина просто хотел поскорее приво-

лочь меня к себе домой, чтобы напихать в мою голову как можно больше необходимых в работе знаний.

– Я Сергей Шпагин. – Повторил парнишка. – Ваш выпускник. Вы меня уже не помните? Полтора года назад... Хах. Вы меня даже не помните. Анатолий Григорьевич!

– А! Сергей! Точно. – Радостно воскликнул мужчина, явно не узнавая стоящего перед ним человека. – Как успехи? Вижу, реабилитация принесла свои плоды. Ты выглядишь очень хорошо. Занимаешься спортом?

Сергей украдкой глянулся по сторонам – он вцепился в края своего нелепого пальто. Но, продолжая улыбаться заявил:

– Я хотел выразить вам свою благодарность!

Досадливая улыбка на лице Анатолий, не знаю, видел ли это мальчишка, но воспитателю реабилитационного центра эти слова были до колокольни. Как минимум в этот самый момент.

– Благодаря вам я избавился от зависимости. От квази. Все, что у меня было в квази, моя жизнь, мои друзья, мои мечты – все потеряло смысл. Теперь это просто игрушки, просто цветные фантики, на которые не хочется тратить ни жизни, ни усилий. Понимаете! Теперь я могу все свое время посвятить прото. Теперь я могу спать по-настоящему. Я могу есть по-настоящему. Я могу заниматься прото-херней, которая ни имеет никакого смысла. Прото-помойка, клоака, в которой нет никакой цели, никакого смысла, никакого удо-

вольствия! Я пробовал цаги, я пробовал органические наркотики – они тоже бессмысленные. Они никогда не сравнятся с теми ощущениями, которые были в квази. Но квази абсолютно бессмысленный. Ты отобрал у меня единственный смысл, единственную цель и единственную жизнь! Тебе в кайф, лишать людей всего, что им ценно? А что взамен? Взамен что мы получаем? Серое ничто? Как ты живешь с этим? Ты тварь, бич на лице общества. Чем тебе мешало мое счастье? Чем я мешал тебе? Да, лучше бы ты убил меня! Они до сих пор говорят мне – делай то, делай это. Но зачем? Я делаю, что они говорят – ненужные, бесполезные и неинтересные вещи!

Мальчишка все сильнее распалялся, он говорил все сбивчивее, фразы становились все короче, слова все злее, и вот он выхватил какой-то серый предмет из-за пазухи. Больше всего это походило на брикет пластмассы, но держал он «Это» на вытянутых урках, словно оружие.

– Я не дам тебе отравить жизни других людей! Ты убил меня! Отнял все! Умри! Умри, как умер я! Полтора годна назад! Ты даже не представляешь, что это такое, прожить полтора года, не понимая зачем. Не зная, что можно, и что нужно. Зачем все это? Почему нельзя было просто оставить все как есть?

Назвавшийся Сергеем несколько раз дернулся в сторону Анатолия. Но ничего не произошло, в глазах мальчишки сначала проблеснуло удивление, потом страх.

– О нет! – С угрозой прорычал парень. – О, даже не думайте, что заставите меня вернуться в это!

Он прислонил серый предмет в руках к собственному подбородку:

– Наслаждайся! Изверг! Это салют в честь твою.

Я не уловил что произошло, просто в какой-то момент парень стоял, прижимая серую коробочку к своему подбородку, и вот в следующий момент он уже заваливается, а в воздухе висит запах озона и мелка водянистая аэрозоль. Облако аэрозоли взмывает вверх и вот оно обретает алые оттенки, ветерком его относит в сторону, но часть этой взвеси оседает на моем рукаве, тот покрывается алыми капельками. Анатолия же накрывает с головой. Нет, это аэрозольное облако – как я с запозданием понимаю – кровавое облако, разносит на десяток метров вокруг, но на лице воспитателя оседают микроскопические кровавые капли, волосы пропитываются тем, что секундой ранее как будто бы находилось внутри черепной коробки мальчишки.

Если это облако – результат какого-то выстрела, то в нем должна быть не только кровь. Мальчишка прижимал «Эту» штуку к подбородку, направляя в центр черепа. Скорее всего, на нас сейчас оседало содержимое головы Сергея Шапкина. Мелко аэрозольные мозги. Облако оседало, окрашивая одежду, машину, асфальт в буро-алые тона. Хотя, на асфальте этого было почти не заметно.

Труп Сергея мирно лежал у обочины, а Анатолий рефлекс-

торно облизнул губы.

Это последнее, что я увидел. Потом меня долго и упорно рвало. Помню, какие-то крепкие руки, которые поднимали меня с мостовой, помню лицо девушки в белом. Помню поездку в каком-то фургоне. Все какими-то кадрами. Воспоминания, сбоили, выдавали искаженные картинки. Но картинка, которая не покидала меня в этот вечер ни на секунду – это алое аэрозольное облако, оседающее на лицо мужчины. Наивное непонимание глаза этого мужчины, и рефлекторное облизывание покрытых мелкими капельками крови губ.

Кажется, я тоже ощущал вкус мозгов Сергея. Вкус мозгов на моих губах. Вкус содержимого головы, мальчишки, который пару лет назад попал в реабилитационный центр. Но реабилитационный центр слишком хорошо справился со своей задачей, в плане убивания привязанности к квази. Но...

Но у Сергея так и не появилось связей с прото. Неужели в РЦКДП не знают, о том, что если у человека отобрать смысл жизни, то надо дать другой. Неужели, они выкидывают детей на обочину, как только убедятся, что те не проявляют интерес к квази? Это слишком жестоко!

– Он хотел убить Анатоиля, – услышал Лекса свои же слова.

Стоп! Лекса – это я. Я услышал свои слова. Надо взять себя в руки. Надо понять, на какой вопрос я отвечаю, что-то я совсем расклеился.

– Не получилось. – Согласился я с кем-то. – Тогда он на-

ставил эту штуку себе на подбородок...

Я почувствовал, как мои руки уперлись мне же в шею, выше, в подбородок.

Руки молоденькой женщины обняли мои. Они плавно отвели мои трясущиеся кисти от лица, прерывая тот убийственный жест.

– Кто ты?

– Она медсестра. Вы готовы отвечать на наши вопросы? – Грубый мужской голос.

– Он не в себе. Шок. – Девушка открывает рот, шевелит губами, но я не слышу ее голос. Но я понимаю, что она говорит. Кажется, меня снова сейчас вырвет. Но я с благодарностью смотрю в глаза медсестре:

– Мозги человека, солоноватые на вкус.

Кто это сказал? Я? Медсестра? Допрашивающий меня мужик?

...

– А, Лекса. Проходи. – В глазах наставника потерянность, он в домашнем халате, который так естественно смотрится на нем. Он делает шаг назад, чтобы пропустить меня в свою квартиру, но я не спешу входить.

– Арина Петровна велела проверить Вас. – От смущения, мои уши пылают, но отступить нельзя. Или можно? Но не сейчас. Звонок директора застал врасплох. Я то надеялся, что раз меня отстранили от дел на день, то и делать нечего не придется. А вот те раз – езжай на квартиру к наставнику,

и убедись, что с ним все в порядке. К малознакомому человеку, в его собственную квартиру, да и еще после таких приключений.

Меня-то вчера порядком помучили, сначала психологи, потом дознаватели. В общем, отпустили меня только поздним вечером. А уж самому Анатолию, думаю, досталось еще больше. Могли бы и дать денек отдышаться, осознать случившееся, привести мысли в порядок. Но нет. Надо ехать, надо звонить в дверь, надо разговаривать.

– Лекс, входи. Давай я тебе чаю что ли погрею. – С некоторым замешательством произносит хозяин квартиры, а я как дурак топчусь у порога, не решаясь его переступить. – Я понимаю, что это не твоя прихоть. Но не стоять же в дверях. Проходи, я живу один, мы никому не помешаем.

Как под гипнозом я делаю этот единственный шаг и оказываюсь в чужой квартире. Я вторгся в чужое пространство, обжитое и имеющее свой запах. Прихожая. Что же, если человек хочет тратить метры жилого пространства на ненужные комнаты, то кто я такой чтобы осуждать. У нас-то нормальная квартира-студия. Сейчас уже никто не делает отдельную прихожую.

Просторная прихожая меня поражает еще больше. У Анатолия вся верхняя одежда висела на крючках, а обувь на специально отведенном сетчатом стеллаже. Огромное ростовое зеркало, на стенах бумажные обои, а на полу коврик.

– Анатолий Григорьевич, я...

– Куртку повесь сюда... Тапочки... Вот, у меня есть тапочки, сейчас.

В шкафчике обнаружилась россыпь этой нехитрой домашней обуви. Что же? Он считает, что я боюсь испачкаться об его пол, что ли?

Пришлось разуваться, пришлось вдевать ноги в тапки не по размеру, пришлось волочиться за хозяином на кухню. Пришлось ждать пока Анатолий включит чайник, пришлось ждать пока вода в нем закипит, пришлось ждать пока он достанет чашки, наполнит их сначала бурой жидкостью, потом вольет в нее кипящую воду.

Передо мной были выставлены две стеклянные посудинки, одна с конфетами, другая с печеньем.

– Как ты себя чувствуешь? – Задал наконец-то этот вопрос Анатолий.

– Я-то... Нормально, наверное. – Мой ответ, и снова гнетущая тишина. Хозяин первым касается губами своего напитка, разворачивает конфету и откусывает от нее кусочек.

– А у Вас? – Выдавливаю я из себя.

– И у меня все нормально. Что же. Молодой человек, спасибо, что провели старого бездельника. Можете передать Арине Петровне, что я в полном порядке.

Разговор не складывается. Все слишком странно и неправильно. Я не должен сейчас находиться здесь.

– Тогда я, неверное, пойду? – Предполагаю я.

– Наверное. – Вздох Анатолия заставляет меня съежиться.

Он чувствует себя столь же неудобно, что и я. – Я ожидал, что кто-то из центра ко мне зайвится с проверкой. Впрочем, даже хорошо, что это Вы, Лекс. Попробуйте чай, он не отравлен, честное слово.

Под гнетущим взглядом мужчины мне приходится сделать несколько глотков слегка горького на вкус горячего напитка.

– Вас не сильно мучали вчера вечером? – Как будто извиняясь спрашивает он. Но я только неопределенно пожимаю плечами.

– Понимаешь, это был мой выпускник, – продолжает Анатолий, – и я, наверное, должен гордиться своей работой. Мальчик нашел для себя цель в жизни. Видел, каким он был целеустремленным? Не каждый квази-зависимый может строить такие сложные планы, если речь идет о прото. Мы ведь и правда, даем только базовые навыки, прививаем примитивные потребности и на этом выписываем их. Утром встать и умыться, сделать заказ продуктов, поесть, когда голодны, помыться, если испачкались. Я и не знаю, сколько из моих выпускников потом возвращается в квази, сколько живет полноценно, сколько остается овощем на попечении родных, а сколько вот так... Расстаются с жизнью, так и не приняв протожизнь, как единственно возможную.

– Сергей сказал, что вы заставили его потерять интерес к квази, как это? – Мысль, мучавшая меня всю ночь. Как это возможно, взять и заставить человека перестать любить, то, чему он посвятил всю свою жизнь. Неужели это так легко –

перекрыть сознание человека?

– Бедный мальчик. Да, это не так сложно, как тебе кажется. Манипуляция сознанием – не так сложна, как мы все думаем. Ну... Вот представь. Перед тобой стоят два человека, один одет в обычную одежду, а у другого форма, военная или полицейская. Даже какие-то нашивки есть. И вот первый говорит, что на улице вот-вот пойдет радиоактивный дождь, а второй, что в здании начался пожар и надо срочно эвакуироваться. Что будешь делать?

Я пожал плечами:

– То же что и все, наверное. Если все побегут на улицу, то и я за ними.

– А они побегут. Поверь мне, побегут. Потому, что если хоть один человек побежит, то за ним побегут еще двое-трое. А тут уж и все остальные тоже кинутся под радиоактивный дождь, спасаясь от пожара.

– А как правильно?

– Как правильно? Я же не про это говорю. Подсознательно мы доверяем людям в форме, людям, наделенным властью и знаками отличия. Если на улицу выйдет человек и всем начнет кричать, что проход закрыт, его мало кто послушает, но если этот же человек будет в форме строителя или сапера? Вот!

– Анатолий Григорьевич, но это же не манипуляция сознанием. Это просто конкретные примеры, конечно же люди будут делать, что им говорят полицейские!

– Лекс. Люди решат делать, что им скажут. Не будут делать, а будут думать, что это правильное решение. Это и есть манипуляция сознанием. Чтобы нам навязать какую-то мысль, нам не свойственную можно использовать множество приемов и техник. Это все уже хорошо изучено и используется. Давно известно, что, выбирая товар в магазине, человек чаще предпочитает известную марку, даже если рядом лежат вещи лучшего качества. Думаешь, почему у нас все улицы обвешаны лейблами, брендами, логотипами? Они же ничего не рекламируют, он ведь не убеждают нас в том, что их товар лучше других! Нет, они должны нам просто мозолить глаза.

– И вы поступаете так же с детьми? Вы им мозолите глаза.

Анатолий недовольно постучал пальцами по столу.

– Знаешь, почему я не ношу халат в клинике? А постоянно нахожусь в обычной, повседневной одежде? Хотя все остальные работники носят халаты или мундиры? Санитары в голубых, реабилитологи в золотистых, а обслуживающий персонал в комбинезонах?

– Нет, я на это не обратил внимания. Арина Петровна тоже была в повседневной одежде.

– Арина Петровна – дело другое. Она с пациентами не работает. Ладно... Смотри. Откуда к нам в центр поступают дети? Из клиник. Верно. Там все в медицинских халатах. Здесь все санитары тоже в халатах. Как думаешь, что по мнению квази-зависимых делают эти люди в халатах?

– Помогают им? – Предположил я, уже зная, что это не

верный ответ, но для того, чтобы дать возможность наставнику с ним поспорить. И не нужен мне был этот ответ, этот разговор. Самое главное, что я стал замечать в глазах Анатолий Григорьевича робкий огонек. Он словно оживал. Эта метаморфоза меня завораживала. Вот передо мной был смирившийся с тленом бытия мужик, и вот уже восхищенный исследователь. Нет, не правда. Анатолий пока не горел, от пока что робко тлел.

– Нет, Лекс, нет. Они уверены, что мы их отрываем от важных дел, от развлечений, от настоящей жизни. Ведь для них квази – это жизнь. И вот скажи, зачем мне эта ассоциация? Зачем мне начинать знакомство с такого к себе отношения? Я же по этому поводу писал методичку! Понимаешь! Но нет, видите ли, в медицинской организации обязательно должна быть форма. Тфу! Мы же не хирурги! Хорошо, я просил разработать для нас новую форму, которая бы разительно отличалась от принятых в других организациях. Но нет! А потом они удивляются, почему дети не идут на контакт с санитарями и реабилитологами. Да они их просто боятся! Только из-за формы, только из-за ассоциации.

Анатолий на пол минуты замолчал, отпил чая, а потом продолжил:

– Знаешь, что такое сказка?

– Что? – Искренне изумился я внезапному переходу. – Сказка? Ну, это история такая.

– Не просто история – это жанр устного народного творче-

ства... был... Но и это не важно. Это иносказательная установка. Люди всегда манипулировали сознанием других людей, понимаешь. Вот возьмем сказки. У любой сказки есть мораль, то есть идея, которую надо внедрить в сознание ребенка. Как внедрит? Если сказать – надо здороваться при встрече, то толку будет мало. Но вот мы берем героя, лучше симпатичного, скажем, кролика. И наделяем его деструктивным качеством – неумение здороваться. Рассказываем, как ему плохо живется, а потом наш кролик каким-то образом понимает, что надо здороваться, и вот в его жизни происходят разительные изменения! Вот он уже душа компании! Если сказка будет достаточно интересная, то и подрастающее поколение исподволь научится здороваться. Но так и не догадается, что ими манипулировали. А раньше ведь сказки были очень популярны, их мудрые праматери рассказывали чадам. И не по одному разу! Каждый день! Каждый!

Анатолий снова прервал свой монолог, взглянул на меня смущенно и продолжил:

– Потом появились книги, которые заменили сказки. Вот только сказки рассказывали бабушки своим внукам, они точно знали, какие качества надо прививать детям. А книги... Их ведь писали сразу для всех. И хорошо, если в них была заложена хоть какая-то идея, какая-то наука. Сказки всегда были бесплатными, их целью было научить. Книги же производить дорого, они должны окупаться, их печатали ради прибыли. А потом и вообще телевидение появилось! Интер-

нет! Теперь вот квази.

– Сколько же Вам лет! – Не выдержал я. В моей голове стихийно сложилось понимание, что Анатолий застал все эти времена, о которых говорит.

– Не пугайся, я не умертвите. Я родился в эру сети Интернет, тогда телевидение уже отмирало, а сказок никто не рассказывал. Про сказки я узнал уже гораздо позже.

– Позвольте, но ведь квази тоже бесплатен. – Наверное невпопад возразил я. – Значит он несет добро?

– Может и несет. Только... Смотри. Что меня пугает больше всего. Это ведь даже не то, что люди стали терять связь с реальностью, а то, что большинство наших современников не живут своими жизнями. Они постоянно находятся в созданных кем-то историях. У них нет самоидентификации, как таковой. Сегодня они вампир в Бостоне, завтра киборг в Афганистане, послезавтра русалочка Ариэль, выращивающая огурцы на дне морском. Их захватывают ситуационные ценности. Если им не сказать, что делать, для чего и как, то они будут просто медленно увядать. И я не про квазанутых говорю, я говорю о подавляющем большинстве.

– Вы говорите о суб-мирах! – Я даже не заметил, как вскопчил в запале. – Да, квази позволяет погрузится в созданные другими людьми ситуации истории, суены. Но сам квази – это не набор суб-миров. Он фактически, повторяет прото! Вернее, общественное бессознательное представление о прото. Там есть обычные города, есть обычные леса, парки,

музеи. Если это хоть для кого-то важно, и хоть кому-то известно, то это есть в прото.

– Постарайся не спорить со мной. А понять, что я имею в виду. – Устало махнул рукой Анатолий. – Я ведь не про это.

– А про что?

– Лекс. Я смотрю тебе тоже нравится квази. Можешь мне объяснить, как ты сумел сохранить интерес к жизни? Почему ты сейчас здесь, а не в нем?

Я запнулся. Даже слегка поперхнулся глотком чая. Черт! Не хотел я этого рассказывать. Но оставить вопрос без ответа – не красиво. Наверное.

– Я не бываю в квази. Мне он не понравился.

– Почему?

Мысленно я кричал: «Анатолий Григорьевич, пожалуйста, прекратите допрос. Не хочу я об этом говорить. В конце концов, может у меня быть хоть одна слабость?». Но вслух я ответил:

– Так вышло.

– И ты там не бываешь?

– Иногда. Редко. – Я уже отставил свою чашку с остывшим чаем и уперся взглядом в свои колени. Но на этот раз решил не заставлять себя усилием воли сесть ровно. Все. Проходили. Это не закончится. Раз зашел этот разговор, то из меня выпытают все до мелочей. И я решился: – Я химеройд. В просто я химеройд. В квази – химера. И не могу менять внешность. Не могу! Зеленая кожа, раздвоенный язык, лы-

сый, чешуйчатый монстр.

– И ты стесняешься своего вида? Там же много таких... Тех, кто меняет свой внешний вид, чтобы походить на животного.

– Вот именно. Тошно. Каждый второй с кошачьими ушками, хвостами или крыльями. А каждый третий андроид с антенной на голове. Они просто не знают, каково это на самом деле. Позеры.

И я сам услышал свой голос. Столько презрения и брезгливости в нем в этот момент было. Вот, сейчас Анатолий решит, что я презираю людей. Назовет меня мизантропом. И... И запретит даже рядом со своим центром реабилитации появляться. А может...

А может быть оно и к лучшему.

Глава 6

– Этот котенок жил в удивительно красивом и хорошем мире, – начал читать я, написанную на кануне вместе с наставником сказку. Эта работа мне скорее понравилась, хоть и приходилось много спорить и выслушивать внезапные лекции от Анатолий Григорьевича. Практически каждую мою идею, мысль или желание опытный воспитатель мог характеризовать с точки зрения психоанализа или педагогики. Вот почему нельзя было взять героем сказки человека? Так нет же! Главный герой сказки должен быть не только симпатичным и вызывать чувство сопереживания, но и соответствовать каким-то психотипам и «фундаментальным архети-

пам».

По словам Анатолия в сказке очень важно, чтобы образ главного героя соответствовал его архетипу и явно читался. Ведь чтобы посыл сказки был интуитивно понятен, в ней не должно быть сложных для восприятия и осознания «ключей». В пику сказанному, он же утверждал, что основной посыл, так сказать, сюжетная арка, должна быть до самой развязки неизвестна, чтобы слушающий сказку не смог рационально понять посыл, а усвоил его подсознательно. В общем, писали мы очень простенькую историю, но при этом разговаривали такими сложными терминами, что уже через полчаса я перестал понимать, чем мы занимаемся, и лишь прилежно выписывал повествовательную канву по указки мастера. Почему я вдруг назвал Анатолия мастером? Да он просто подавил меня своей высокомерной манерой речи.

Зато вот сейчас он сидел напротив и с интересом наблюдал за тем, как я мучаюсь, пытаюсь прочесть текст, повешенный перед лицом с помощью нейро-интерфейса. И если Вы считаете, что мы не репетировали – то зря. Сейчас я в текст посматривал только изредка, почти все воспроизводя по памяти.

– Гаф залез на дерево и стал следить за тем, как играют его друзья, – завязка сказки заключалась в том, что котенок Гаф очень весело проводил время со своими друзьями. Удивительно, но нашего главного героя звали Гаф. А вот его друзья были «Хомяк», «Лягушка» и «Щенок». Вот честно, я так и

не понял, почему котенку Анатолий решил дать имя, а вот остальным зверятам запретил придумывать клички.

Около десяти минут я вещал о совершенно счастливой жизни зверят. При этом, как и было велено посматривал на безучастных детей. Девочка, кстати, вроде бы внимательно слушала, на ее лице даже пару раз удалось разглядеть осмысленно выражение лица, может быть улыбку. Остальные дети оставались безучастны.

По сюжету сказки идиллия мира рушилась внезапно. Сначала пропадала еда, потом начинали чахнуть растения и даже краски мира становились тусклыми.

В этот момент появлялся «Крыс». Но что самое удивительно, у крыса было имя. И это имя было «Филин». Ну, спорить с маэстро я не стал. Хотя так и не понял, почему у крысы должно быть имя птицы.

– Филин с насмешкой возразил: «Но тогда вы все просто умрете с голоду». – Крыс по имени Филин был очень язвительным и постоянно дразнил зверят. Когда все стало плохо, он прогрыз небо и проник к ним в мирок. Сначала зверята подумали, что все их беды из-за крыса и начали ему всячески мешать. И вот наконец они изловили Филина и затолкали его в яму.

– Я хочу сказать вам по секрету, – когда мне приходилось читать слова Филина, я делал голос сварливым и слегка хрипел, поэтому в горле постоянно першило. И как назло, у крыса в нашей сказке было очень много реплик. – Что ваша

клетка очень маленькая. У вас тут было тепло и сытно потому, что за вами постоянно присматривали. Они. Но сейчас вы им надоели, и они вас бросили. Я могу научить вас жить в настоящем мире.

Вот эта фраза Анатолию больше всего не нравилась. Он уверял, что крыс не должен уговаривать зверят, напротив, сами зверята должны просить о помощи Филина. Но я не мог понять, с какой стати котенок, щенок, хомяк и лягушка решат просить противную крысу помогать им, тем более, что они уверены, что все их беды именно из-за него.

Поэтому, сейчас Анатолий недовольно посмотрел мне в глаза. По его выражению лица я очень четко понял, что меня ждет серьезный разговор после этого сеанса.

Что же. Котенок помог крысу сбежать, крыс показал ему как можно хорошо устроится и где можно найти жилье и еду. Еще минут двадцать зверята выживали в чужом агрессивном мире, который оказался обычной лужайкой на заднем дворе загородного дома. Им пришлось сражаться с ежиком, спастись от ужа и курицы. И только благодаря подсказкам, которые им дал Филин, они смогли остаться в живых.

В сказке мы так и на рассказали, что случилось с хозяевами зверят, почему они покинули дом и бросили своих домашних любимцев.

Но наши дети, наши подопечные все так же лежали на своих кроватях и смотрели перед собой. Нет, они не смотрели, просто оставались в этом положении. Видели ли они что-то

сейчас. Слышали ли они что...

– Вот так и работаем. – Вздохнул Анатолий.

– Но что мы делаем? Они же в полной отключке. – Растерянно возразил я.

– Может быть. А может быть они нас прекрасно слышат. Лекс. Они нас слышат и понимают. Нужно в это верить. Только так. Иначе... Знаешь... Эта группа... Арина Петровна сделала большую ошибку. Нельзя было брать девяток. Пусть это дети. Но мы им уже не сможем помочь. Посмотри, они ведь не хотят быть в этом мире. Они не стараются, для них прото – совершенно чуждое место.

– А зачем я тогда читал им эту сказку?

– Это наша работа. Надо что-то делать. Смотри. Вот это Оксана. Восемь лет. Она меня даже от смерти спасла. Правда, не смотри так. Я... Не хочу об этом говорить, но она встала и помогла мне. Она здесь, с нами. Она слышит и видит нас. Но она не понимает и не знает, зачем ей что-то делать. Она будет испытывать голод, но даже не подумает, что можно засунуть вот эту кашу себе в рот. Ее кормят с ложечки, но она даже не жуют пищу. Знаешь почему? А потому, что ни в прото ни в квази они никогда не ела ртом. В квази еда не нужна. Там нет голода. Там есть рестораны, но они для антуража, для понта. Но не для питания. А вот это Павел. Очень открытый парень, в квази он проявляет интерес почти ко всему, любит исследовать мир. Но здесь, прото... Он даже не моргнет, если я ему в глаз пальцем ткну. И я не знаю, то

ли у мозга нет связи с телом, то ли ему это просто настолько неинтересно. Хотя ведь моргание – это безусловный рефлекс. Как это могло получиться? Последнее время я думаю, а ради чего это все? Может быть это и вправду следующий шаг эволюции. Не знаю, помнишь ли ты, но когда появился нейро-интерфейс, то с ним боролись почти точно так же, как сейчас борются с квази. Были такие-же нервные срывы, были жертвы и смерти. Просто еще один виток эволюции.

– Вы так говорите только из-за этого случая! – Выкрикнул я, не обращая внимания на то, что нас окружали безучастные дети.

– И это тоже. Тот мальчишка. Что он сказал? Наша терапия оказалась слишком эффективной. Так вот посмотри на них, – Анатолий развел руками, указывая на своих подопечных, – не так уж она и эффективна.

– Но у Вас есть другие группы! Другие дети! Вы им помогли. Они теперь могут жить полноценно. Они теперь могут жить! – Мой голос вибрировал как струна. Я сам не мог понять почему, но испытывал страх, которого не чувствовал никогда в жизни. И вопреки себе от этого страха мне не хотелось убежать или прятаться. Из-за испытываемого сейчас ужаса я хотел только громче кричать.

– Мы сейчас пытаемся спасти рыбу у воды! Мы выдернули их из их мира. Из квази. Они там живут. Там, а не здесь. Сколько они уже оторваны от своей реальности? Неделью? Или больше? Представь, если бы тебя заперли на это время

в черный ящик без звуков и событий! Я бы точно свихнулся. Думаешь, они еще не свихнулись? Думаешь, они в коме? Нет, они не в коме. Они отрезаны от квази, но их нет и в прото!

Анатолий сел на кровать, рядом с одним из мальчиков и закрыл глаза руками. Я не мог понять, плачет они или просто...

– Вся эта работа...

– Нет Лекс! Я сегодня с утра был у Арины. Я потребовал выписки! Я изучил личные дела всех наших выпускников. Знаешь, сколько из них сейчас устроились на работу в прото? Один человек! Один из нескольких тысяч! Есть те, кто вернулись в квази. Но гораздо больше тех, кто живет овощами на попечении своих родных. Которые так и не научились проявлять интерес к миру. Но и таких не много. Знаешь кого больше? Знаешь кого больше всего среди моих выпускников? Не безвольных кукол, не вернувшихся в квази, не обезумевших психов. Больше всего тех, кто погиб. Либо от истощения, находясь рядом с накрытым столом. Либо от примитивной простуды. Они погибают от несчастных случаев. У них нет навыков. Без сторонней помощи они даже... Много и тех, кто что-то сделал специально. К черту! Я не хочу больше! Я здесь палач или садист? Я вивисектор! И правы все те, кто говорили, что мы здесь живодеры, изверги! Мы... Чего ты на меня смотришь? Думаешь у меня истерика? Думаешь, у меня стерсс? Нервный срыв? Чего ты думаешь, в

свое головной коробке? Иди в квази! Уходи в квази! Там, видимо, жизнь! Люди умирают, и они будут всегда умирать – это нормально – это естественно! Мы не удержим эту лавину! Мир изменился! Да, как по мне он сломался, но может быть и нет? Может быть это правильно?

Я мысленно нажимал и нажимал кнопку экстренного вызова. Да, в нейро-интерфейсе есть много удобных функция. Я взывал к Арине Петровне. Да, я ощущал себя предателем, я ощущал себя последней скотиной, но не мог я смотреть на то, как Анатолий Григорьевич бьется в истерике. Я знал, что надо что-то сказать, знал, что надо что-то сделать. Но я не мог. Не понимал что.

Словно во сне, словно это не я, словно тело работало отдельно от меня, я подошел к кровати, где сидел наставник, я сел рядом. Я положил свою руку на плечо Анатолию. Я наблюдал, как взрослый солидный мужчина плачет, пытаюсь скрыть это ладошками. Его плечи подрагивали. Он плакал беззвучно. Он продолжал что-то говорить, что-то доказывать. Но в его голосе не чувствовалось слез. И все же из глаз они текли.

– Я хочу научиться жить.

Этот голос раздался словно из другого мира. Детский, звонкий, слабый. Может быть его и не было. Мне могло послышаться, но когда в комнату ворвались санитары, когда подняли воспитателя за локти, вкололи какие-то препараты и увели его прочь, по середине комнаты все еще стояла де-

вочка. Маленькая, юная девочка, которая может быть и сказала: «Я хочу научиться жить». Или нет. Или не говорила, или я это все придумал, всего лишь придумал. Но зачем, тогда она встала, зачем подошла? Неужели она так хотела помочь Анатолию, что нашла в себе силы быть. Может быть это самый главный выбор каждого человека в этой жизни. «Быть». Но она стояла и больше не проявляла никаких эмоций, желаний. Она просто безвольно стояла. Обычной тряпичной куклой. Словно и не проделала только что пусть в пол комнаты, словно только что не сделала самый главный подвиг в своей жизни. Я оставался один с этими квазанутыми детьми. Я оставался один с этой возвращающейся в мир девочкой. Что мне сейчас делать?

Оставалось только вернуть ребенка в кровать – ведь я понимал, что сама он этого не сделает и либо простоит статуей до вечера, либо рухнет на пол. Я чувствовал себя предателем. Я делал сейчас что-то очень символичное. Ребенок сказал, что хочет «быть», но я провожал его обратно в кровать, в забытье, в мир без квази и прото. В мир кромешной... даже не темноты. Кромешного ничто.

Сможет ли Анатолий продолжать работу? Смогу ли я ее начать? Я нет, не смогу. Я здесь был нужен как ученик Гаврилова. Но без Анатолия я здесь никому ничем не смогу помочь. Ни сказки, ни процедуры, ни душеспасительные разговоры я не смогу. Я ничего не могу. Я не могу быть в квази, я не нужен в прото. Неужели я такой же как эти дети? Ничего

не хочу, ничего не умею, ничего не вижу, ничем не грежу.

Как же я завидовал это квазанутой девочки, которая хоть на миг решила быть. «Я хочу научиться жить». Да, я тоже хочу. Ну как? У кого просить этих уроков? Почему любое действие и желание оборачивается тщетой?

На какой-то миг я даже подумал, что смогу быть учеником Анатолия. Да, мне даже этого хотелось. Но я слишком отчетливо увидел, как сломался этот человек. Его кости дробились под натиском реальности. Сколько времени он боролся, прячась от откровений. Сколько времени Арине Петровне удавалось уберечь своего сотрудника от жестокой правды реальности? И все же они не смогли этого сделать.

Кто виноват? Тот мальчишка, который развеял содержимое своей черепной коробки по ветру? Или я? Или эта невозможная к реабилитации группа? Наверное, все вместе.

Все летело в тартар. Туда, где и должно быть. Все просто замечательно. Все великолепно! Мир несется в будущее, не замечая, мелкие жертвы на пути. Люди гибнут. Люди мрут постоянно, и что же, теперь из-за этого убиваться что ли?

Эпилог

РЦКДП все же устоял. Скандала не было. Анатолий так и не оправился. Вечером того же дня Арина Петровна попала в больницу с инсультом, а Лекс...

Центр был без руководства почти полтора года. Курьез. Налаженная система даже без начальства продолжала исправно работать. Замы, секретари, обслуживающий персо-

нал, реабилитологи... Все крутилось как заведенное.

Приходили все новые и новые группы. Выпускались вы-
леченные, отправлялись в клиники те, кто так и не смог про-
явить хоть какие-то способности к протоз. Жизнь шла своим
чередом.

Опустевший кабинет Арины Петровны покрывался пы-
лью. В него никто не заходил месяцами. Огромный письмен-
ный стол, брошенные листки, совершенно ненужные шкафы
с документами. Огромное кресло.

Все это ждало нового хозяина. Но...

Когда Лекс вошел в кабинет по праву, первое, что он сде-
лал – вынес стол. Стол пришлось разбивать на куски, даже
не разбирать, а именно разбивать. Слишком разные матери-
алы были спрессованы в единый монолит. Слишком много
лет они были единым предметом мебели. Одни инструменты
вязли в лаке, другие сбоили на металле, третьим оказалось
не по зубам старинное дерево, пропитанное полимерными
смолами.

Нормально ли это, что директором реабилитационного
центра стал случайный мальчишка? Неужели не нашлось ни-
кого более достойного? Хотя бы с образованием? Но про
Лекса говорили, что он был последним и единственным уче-
ником Гаврилова. Злую шутку с ним сыграло это знаком-
ство.

Злую ли? Кто знает. Могла ли жизнь юного химеройда с
постоянно растерянным взглядом сложиться лучше? Стоит

ли ему жаловаться, или благодарить судьбу? Кто знает?

Кто знает.

Но, все чаще и чаще Лексу стал сниться сон. Вот он идет по мосту и видит утопающего. Он бросается в воду, вытаскивает пострадавшего, а тот задыхается на берегу. Его жабры пересыхают, грудь бестолково вздымается, но губы синеют, а в глазах исчезает последняя искра жизни. Тогда Лекс бросается в воду. Он видит на дне реки город со своими огнями, дорогами, толпами. Подводные люди живут своей обычной подводной жизнью. И в этом сне Лекс чувствует, знает, как где-то выше по реке уменьшает сброс воды огромная дамба. Эта река скоро пересохнет. Этот подводный город опустеет, и тысячи людей на его улицах погибнут.

Тогда молодой директор РЦКДП просыпается в холодном поту и долго не может снова уснуть. Он думает. Он мучительно гоняет в своей голове одну и ту же мысль: «Как спасти рыбу из воды?». Эта фраза уже давно потеряла свой смысл, он ее прокручивает в голове, не понимая слов, не понимая ее смысла. Для него она значит слишком много. Она зажигает в его сознании мириады ассоциация, мириады лиц и судеб.

Рыба не может жить без воды. Человек не может жить без прогресса. Рыба в воде себя чувствует, как рыба в вода. Но прогресс убивает человека. Человек слишком слаб чтобы поспеть за собственными творениями.

Сырая подушка, промокшее одеяло, и не уснуть. Никак не удастся уснуть. «Но чем же я виноват?» – кричит Лекс. Но

утренняя заря не слышит или не хочет слышать всего лишь одного человека.

Он берет старую телефонную трубку. Этот аппарат еще работает, этот аппарат Лекс зачем-то все еще хранит. Он набирает давно уже выученный номер Гаврилова, но так не делает вызов. То ли он боится узнать, что стареющий наставник умер, так и не дождавшись этого звонка. То ли он боится услышать критику своей работы. Ведь Анатолий точно не будет доволен тем, что сейчас делает Лекс. То ли он боится, что этот разговор покажет старческую глупость наставника.

Подумать только! Лекс был знаком с Гавриловым всего три дня.

Лекса заваривает кофе – в кровать возвращаться противно – она вся мятая и влажная – там мерзкие сны. На работу ехать еще рано. Он просматривает личные дела сотрудников в картотеке нейро-интерфейса. Он просматривает старые записи Анатолия.

В очередной раз он считывается в строки заявления. Заявление об увольнении он написал в тот же день. Но его так никто и не подписал – просто было некому.

От автора

Вот и все. На этом заканчивается повесть. Фантастика. Короткая фантастическая история, которая лишила меня сна еще тогда, когда я даже не помышлял ее писать. Она здесь. Она всегда была здесь. С нами. Вот прямо здесь и сей-

час. Наверное, когда появились книги, люди точно так же боялись, что кто-то уйдет в мир грез насовсем. Сейчас у нас есть смартфоны, интернет, инстаграм, ютуб, тикток. И тысячи других способов не жить. Хорошо это или плохо? Вот о чем я писал. Все же... Все же спасибо, что вы были со мной, что дослушали повесть до конца, что прониклись ее идеей, главной мыслью. Верю, что не все увидят мораль, какой бы она ни была. Но, в любом случае – спасибо. Я Егор Балашов написал эту повесть, я же ее озвучил. Я ее выкладываю в ВК и в на торрент трекеры. Если Вы ее каким-то образом купили – знайте, вас подол обманули. И все же я прошу Вас ставить лайки, репосты и писать комментарии. Ну, вы понимаете. Если вы дадите мне шанс, то я смогу потешить вас и другими историями. Но мне бы хотелось знать, что эти звезды загораются не просто так, и что они нужны не только мне. До скорых встреч. А может быть кто-то из вас знает, как можно такие повести превращать в деньги?

Ссылка на аудиоверсию книги: https://drive.google.com/drive/folders/1o1drqmEDM_WRt4_etbk-mc3X0AHExAhl?usp=sharing